

1894
МАЛЕНЬКАЯ АНТОЛОГІЯ.

№ 13.

ПОЭТЫ
ФИНЛЯНДІИ и ЭСТЛЯНДІИ.

ИЗДАНЫ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

И. Новича.

Т 319
1187

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1898.

641010814

Предисловіе.

Въ Финляндіи существуетъ въ настоящее время литература на двухъ языкахъ: шведскомъ и финскомъ, изъ которыхъ первый принадлежитъ къ группѣ индо-германскихъ языковъ, второй же, вмѣстѣ съ эстонскимъ и мадьярскимъ, къ группѣ угро-финскихъ языковъ. Но обѣ эти литературы воспѣваютъ одну и ту же родину, хотя и на разныхъ языкахъ, и, напримѣръ, Рунебергъ и Топеліусъ, писавшіе по-шведски, тѣмъ не менѣе по праву считаются національными поэтами всей Финляндіи. Поэтому мы соединили всѣхъ поэтовъ Финляндіи въ одномъ выпускѣ.

На русскомъ языкѣ имѣлись переводы изъ поэтовъ Финляндіи, писавшихъ по-шведски. Эти переводы принадлежатъ, главнымъ образомъ, покойнымъ В. И. Головину и академику Я. К. Гроту; переводы послѣдняго собраны въ

I части его «Трудовъ» («Изъ скандинавскаго и финскаго міра». Спб. 1898). Что касается переводовъ съ финскаго, то намъ извѣстны были въ русскомъ переводѣ только два стихотворенія (изъ Суоніо и Гемма). Къ счастію, намъ пришли на помощь въ этомъ отношеніи профессоръ I. Е. Мандельштаммъ и магистръ философіи А. Ф. Бергъ. Первый, при содѣйствіи профессора финской литературы, доставилъ рядъ подстрочныхъ переводовъ изъ финскихъ поэтовъ, сдѣланныхъ въ Гельсингфорсѣ, второй же, кромѣ ряда переводовъ съ финскаго и шведскаго, доставилъ и матеріаль для многихъ біографическихъ замѣтокъ.

Что касается эстонской литературы, то почти весь отдѣлъ этой литературы доставленъ былъ священникомъ П. Ф. Кудряшевымъ.

Считаю пріятнымъ долгомъ выразить названнымъ лицамъ свою глубокую благодарность.

Издатель.

Русскій, эсть, и шведъ, и финнъ сливаютъ
голоса со звономъ чашъ застольныхъ,
и у всѣхъ у нихъ—одно желанье:
братски въ вольномъ царствѣ мысли жить..
То же море, что народы дѣлитъ
флагомъ мира вновь ихъ единить,
и они во тьмѣ другъ другу свѣтятъ,
зажигая для пловцовъ огни.
Какъ же имъ, сосѣдямъ, не мѣняться
свѣтомъ знанья, свѣтомъ дарованій?
Пусть, какъ волны Финскаго залива
съ синевою Балтики слилися,
такъ живое слово и наука
съ береговъ ихъ на одинъ алтарь
золотыхъ плодовъ кошиницы сносятъ!

Францѣнъ.

(Изъ „Путешествія на юбилейный праздникъ 1840 г.“, перев. В. Головина).

ПОЭТЫ ФИНЛЯНДІИ.

I. Поэты, писавшіе по шведски.

Францъ Михайлъ Франценъ.

Екатерина Монсдоттеръ.

Бѣда тому, кто миръ убогой хаты
мѣняетъ здѣсь на шумныя палаты
и вверхъ идетъ по камнямъ скалъ крутыхъ
ко храму счастья въ тучахъ громовыхъ.

Какъ веселилась я во дни былые!
Но вотъ вошла въ чертоги золотые, —
и нѣтъ со мной подругъ весеннихъ дней:
невинности и радости моей.

Взамѣнь Господь послалъ мнѣ даръ безцѣнный:
быть королю подругой неизмѣнной,
любовью сердце мужа умѣрять
и чуткій сонъ его оберегать.

Когда жъ, смѣнивъ на цѣпи багряницу,
съ престола предковъ онъ сошелъ въ
темницу, —
и тамъ дѣлила я его судьбу;
о, если бъ былъ со мною онъ въ гробу!

Но нѣтъ, угасъ онъ скорбный, одинокій:
«Томись одинъ!» такъ хочетъ братъ жестокій;
скитальцемъ-нищимъ жилъ нашъ сынъ родной,
въ чужомъ краю сложилъ онъ посохъ свой.

Теперь легко!.. Въ землѣ я бѣдь не знаю,
въ ся объятыхъ нѣжныхъ почиваю;
мой жребій помнить въ этой сторонѣ
и часто, часто плачутъ обо мнѣ.

В. Головинъ.

Іоаннъ Людвигъ Рунебергъ.

I.

ЛИРИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Жалоба дѣвы.

Сердце! сердце! если бъ ты, тревожное,
здѣсь лежало на рукахъ моихъ,
я бъ тебя заботливостью нѣжною
успокоила.

Словно мать дитя свое, качаячи,
тихо я бъ тебя баюкала!
ты бы смолкло, ты во снѣ забыло бы
всѣ мученія.

Но теперь въ груди, въ тюрьмѣ ты заперто,
недоступно утѣшенію,
и открыто лишь тому, кто каждый часъ
твой уноситъ миръ.

Я. Гротъ.

2.

С к а л ь д ь.

Въ тиши полей онъ утро жизни вель,
оно лилось, какъ токъ родимой пашни;
день новый для него надеждой цвѣль,
тревоги въ немъ не оставлялъ вчерашній.

Онъ ничего въ грядущемъ ждать не могъ,
не постигалъ никто его призванья,
и міръ его былъ тѣсенъ, но высокъ,
и въ дни весны исполненъ былъ сіянья!

И одинокъ, и чуждъ среди своихъ,
но преданъ весь природѣ величавой,
онъ голосъ силы взялъ у рѣкъ родныхъ,
а пѣгги гласъ былъ данъ ему дубравой.

Недвижная предъ бурей скала
героя образомъ ему казалась;
душой жены—лазурь небесъ была,
любовь—въ цвѣтахъ равнины распускалась.

Такъ выросъ онъ и сталъ великъ душой.
Успѣлъ вкусить и радости, и муки;
а тамъ, прости сказалъ странѣ родной,
и въ путь пошелъ, взявъ только арфу въ
руки.

И съ нею онъ скитался межъ людей,
входилъ равно и въ хаты, и въ чертоги;
онъ пѣлъ—и рабъ не чувствовалъ цѣпей,
и прояснялъ чело властитель строгій.

Когда порой въ палатѣ онъ стоялъ
и славилъ тамъ дѣла отцовъ струнами,
царицы взоръ звѣздой ему сіялъ,
строй витязей гремѣлъ хвалу щитами.

И трепетно склоняла дѣва слухъ,
и, взоръ поднявъ на воиновъ суровыхъ,
смущалася, и непорочный духъ
пылалъ тогда въ огнѣ волненій новыхъ.

Такъ пѣлъ онъ, такъ провелъ онъ дней
весну;
такъ лѣто дней: а тамъ пришли морозы,
навѣяли на кудри сѣдину,
и на щекахъ пѣвца поблекли розы.

Тогда опять побрелъ въ отчизну онъ
и, арфу взявъ рукой уже усталой,
изъ струнъ извлекъ протяжный, томный
звонъ,
и взоръ смежилъ—и вдругъ его не стало!

Теперь надъ нимъ лежать обломки стѣнъ,
вѣка промчались надъ его могилой;
но тѣни тѣ проходятъ даль времянь
и духъ живять неотразимой силой.

Я. Гротъ.

3.

Крестьянскій парень.

Рублю-рублю, усталъ топоръ,
рука слаба, больна;
какъ прежде онъ, кажись, остеръ,
а все стоитъ сосна.

Эхъ, такъ ли я въ глуши лѣсной,
бывало, сѣкъ, рубилъ?
Но лишь кору я фѣль зимой
и только воду плѣть.

Пойду жъ въ другой приходъ служить,
вѣдь я на трудъ гораздъ,
хозяинъ новый, можетъ быть,
ржаного хлѣбца дать.

Пойду я въ городъ: можетъ, тамъ
щедрѣй, добрѣ людъ...

Я въ мысляхъ мчусь къ чужимъ мѣстамъ,
а самъ все тутъ да тутъ.

Но такъ ли съ горь тамъ лѣсъ шумить,
дрожа въ морскихъ водахъ?
И такъ ли солнце днемъ горить,
и такъ ли спитъ въ волнахъ?

Цвѣтуцій есть ли тамъ лужокъ,
сосновый боръ густой
и ты, чьи глазки, чей рожокъ
смущаютъ мой покой?

Смотри на тучки: вѣтеръ ихъ
разносить все быстрѣй;
что значить жизнь безъ устъ родныхъ,
безъ дома, безъ друзей?

Быть можетъ, нашъ народный стонъ
услышитъ Богъ сиротъ;
быть можетъ, край утѣшитъ Онъ
и... хлѣбный годъ пошлетъ.

В. Головинъ.

II.

ИДИЛЛИИ и ЭПИГРАММЫ.

Часть I.

1.

Разъ изъ рощи воротилась дочка,
воротилась съ красными руками.
Мать пытается: «Что съ тобою, дочка?
Чтой-то руки у тебя такъ красны?»
Дочь въ отвѣтъ: «Я розы, вишь, срывала;
о шипы задѣла, знать, немножко».
Вотъ опять изъ рощи воротилась,
воротилась съ красными губами.
Мать пытается: «Что съ тобою, дочка?
Чтой-то губы у тебя такъ красны?»
Дочь въ отвѣтъ: «Ходила по малину;
въ сокѣ, знать, окрасила немножко».
Въ третій разъ изъ рощи воротилась,
воротилась съ блѣдными щеками.
Мать пытается: «Что съ тобою, дочка?
Чтой-то щеки у тебя такъ блѣдны?»
Дочь въ отвѣтъ: «Охъ, дорогая, блѣдны!
Рой мнѣ яму, закопай поглубже,
крестъ поставь, да на крестѣ томъ вырѣжь:

«Разъ она изъ рощи воротилась,
воротилась съ красными руками:
до-красна своими жалъ ихъ милый.
Какъ еще изъ рощи воротилась,
воротилась съ красными губами:
горячо такъ цѣловалъ ихъ милый.
Въ третій разъ изъ рощи воротилась,
воротилась съ блѣдными щеками:
познобилъ измѣною ихъ милый».

В. Асенаріусъ.

2.

Быстро таетъ первая волна,
цвѣтъ весенній быстро отцвѣтаетъ,
только сердца первая любовь
съ новой спорить долго и упорно.

Н. Новичъ.

(Съ нѣмецкаго).

8.

Въ полѣ, между цвѣтиковъ-цвѣточковъ,
пригорюнясь, дѣвица гуляла,
увидала вновь расцвѣтшій розанъ,
сорвала и такъ-то говорила:
«Отчего, о цвѣтикъ мой, цвѣточекъ,
у тебя нѣтъ крылышекъ? Подъ каждымъ
прицѣпивъ по письмецу, сейчасъ бы

къ милому тебя я отослала:
въ первомъ письмецѣ бы я просила —
поцѣдуями тебя осыпать,
во второмъ—прислать ко мнѣ обратно».

В. Авснари усь,

9.

Горько плача надъ лихою долею,
къ жениху красавица припала:
«О, мой милый! отъ пожара ночью
у меня сгорѣли домъ и стадо —
все, что было у меня на свѣтѣ!»
Онъ же въ тайнѣ ликовалъ и думалъ:
«Пусть ей домъ сожгло пожаромъ: вдвое
домикъ мужа будетъ ей милѣе;
пусть у ней сгорѣло стадо: вдвое
стадо мужа дастъ ей утѣшенья;
пусть всего она лишилась: вдвое,
вдвое самъ я буду ей дороже!»

В. Авснари усь.

17.

Разъ тайкомъ, Ивановскою ночью,
на побѣги озими зеленой
навязала дѣвушка, въ раздумѣ
разноцвѣтныхъ тонкихъ шелковинокъ;

по утрамъ все въ поле выходила,
о судьбѣ своей разузнавала.
Но смотрите, какова плутовка:
черный стебель, стебель горя, выросъ, —
всѣмъ она объ этомъ рассказала,
при другихъ тужила—горевала.
Красный стебель, стебель счастья, выросъ, —
рассказала всѣмъ она съ весельемъ,
при другихъ смѣялась—веселилась;
а когда зеленый стебель выросъ,
молодой любви желанный стебель, —
вѣдь смолчала: радовалась въ сердцѣ.

В. Головинъ.

22.

Воинъ и крестьянинъ.

Къ селянину входитъ старый воинъ
безъ ноги, подпертый костылями.
Селянинъ стаканъ вина подноситъ
старику съ вопросомъ: «Каково-то
было, дѣдушка, тебѣ въ то время,
какъ, бывало, врагъ тебя обступитъ,
и гремитъ пальба, и ядра свинцуютъ?»
Воинъ, тихо взявъ стаканъ, отвѣтилъ:
«Какъ тебѣ, когда порой осенней
градъ свиститъ и молнія сверкаетъ,
ты же съ нивъ уносишь хлѣбъ для кровныхъ».

И. Гротъ.

Богъ рѣки.

У залива знаменитой Саймы
разъ подъ соснами игралъ ребенокъ.
Изъ чертога волнъ его увидѣвъ,
Некъ въ прекрасное дитя влюбился,
приманить его къ себѣ замыслилъ.
Вотъ онъ старцемъ на берегъ выходитъ,
но веселый мальчикъ убѣгаетъ.
Вотъ онъ юношей опять выходитъ,
не идетъ къ нему веселый мальчикъ.
Тутъ онъ выплылъ рѣзвымъ жеребенкомъ,
поскакалъ, играя, межъ деревьевъ.
Тотчасъ мальчикъ началъ приближаться
и, маня, схватилъ его за гриву
и вспрыгнулъ на жеребенка съ крикомъ.
Но мгновенно въ глубину залива
скрылся Некъ съ прекрасною добычей.
Мать ребенка на берегъ приходитъ,
ищетъ дитятко, тоскуетъ, плачетъ.
Изъ чертога волнъ ее увидѣвъ,
Некъ въ прекрасную жену влюбился,
приманить ее къ себѣ замыслилъ.
Вотъ онъ старцемъ на берегъ выходитъ,
но печальная бѣжитъ отъ старца.
Вотъ онъ юношей опять выходитъ,
но къ нему печальная не хочетъ.

Тутъ онъ выплылъ мальчикомъ веселымъ
и съ улыбкой на зыбяхъ качался.
Увидавъ потеряннаго сына,
мать бѣжить къ нему нетерпѣливо,
чтобъ дитя спасти отъ лютой смерти.
Но мгновенно въ глубину залива
скрылся Некъ съ прекрасною добычей.

Я. Гротъ.

25.

П а в о.

Въ глубинѣ лѣсовъ, у Саріярви,
жилъ да былъ на гейматѣ холодномъ
старый Паво; съ рѣдкимъ прилежаньемъ
боронилъ—пахалъ крестьянинъ землю,
урожая жъ ждалъ всегда отъ Бога.
Жилъ онъ тамъ съ дѣтьми да со старухой,
ѣлъ съ семьей въ поту лица свой хлѣбецъ,
рылъ канавы, бороздилъ и сѣялъ.
Вотъ весна: снѣгъ быстро стоялъ съ пашни
и сгубилъ на половину озимь;
стало лѣто: полилъ ливень съ градомъ —
и побилъ на половину колось;
стала осень: холодъ взялъ послѣдки.
Горько плачетъ бѣдная старуха,
рветъ, въ кручинѣ, волосы сѣдые.

«Паво, Паво, горемычный Паво!
Намъ пойти съ клюкой теперь осталось,
Богъ совсѣмъ покинулъ насъ несчастныхъ;
тяжело просить, но голодъ—хуже!»
Мужъ жену взялъ за руку и молвилъ:
— Испытуетъ Богъ, не покидаетъ.
Ты возьми коры на половину,
да скорѣе къ хлѣбу примѣшай-ка!
Я канавъ нарою вдвое больше,
урожая жъ будемъ ждать отъ Бога. —
И жена коры на половину
примѣшала—примолола къ хлѣбу;
вдвое больше мужъ канавъ повырылъ,
продалъ онъ овецъ—и ржи посѣялъ.
Вотъ весна: снѣгъ быстро стаялъ съ пашни,
но нисколько озими не тронулъ;
стало лѣто: полилъ ливень съ градомъ —
и побилъ на половину колосья;
стала осень: холодъ взялъ послѣдки.
Горько плачетъ бѣдная старуха,
бьетъ себя съ кручины въ грудь и стонетъ.
«Паво, Паво, горемычный Паво!
Только смерть намъ, Паво, остается, —
Богъ совсѣмъ покинулъ насъ несчастныхъ;
смерть страшна, но жить еще страшнѣе».
Мужъ жену взялъ за руку и молвилъ:

— Испытуеть Богъ, не покидаеть.
Ну, теперь возьми коры ты вдвое
да скорѣе къ хлѣбу примѣшай-ка!
Вдвое шире вырою канавы,
урожая жъ будемъ ждатель отъ Бога. —
И взяла коры старуха вдвое,
примѣшала—примолола къ хлѣбу;
вдвое шире вырылъ мужъ канавы,
продаль онъ коровъ—и ржи посѣялъ.
Вотъ весна: снѣгъ быстро стаялъ съ пашни;
но нисколько озими не тронулъ;
стало лѣто: полилъ ливень съ градомъ,
но нисколько не побилъ колосьевъ;
стала осень,—холодъ зла не сдѣлалъ:
жатва словно въ золотѣ стояла
и жнецовъ усердныхъ дожидалась.
На колѣни палъ старикъ и молвилъ:
— Испытуеть Богъ, не покидаеть; —
на колѣняхъ молвила старуха:
«Испытуеть Богъ, не покидаеть», —
а за этимъ съ радостью сказала:
«Паво, Паво, серпъ возьми скорѣе!
Время жить въ довольствѣ, веселиться;
время кору жесткую оставить,
печь изъ цѣлой вкусной ржи свой хлѣбецъ»
Мужъ жену взялъ за руку и молвилъ:

— Только тотъ и стоекъ въ испытаньѣ,
кто въ бѣдѣ не покидастъ ближнихъ;
вновь возьми коры на половину
да скорѣе къ хлѣбу примѣшай-ка.
Вѣдь померзла жатва у сосѣда. —

В. Головинъ.

27.

Вѣрный сынъ Финляндіи скалистой,
статень и могучъ былъ Ойонъ Паво,
какъ утесъ, поросшій елью крѣпкой,
и какъ бурный вихрь въ открытомъ морѣ.
Вырывать онъ съ корнемъ сосны въ полѣ,
онъ медвѣдя задушилъ руками,
перебросилъ лошадь черезъ прясло,
какъ былинку, гнулъ людей сильнѣйшихъ.
Вышелъ разъ на площадь Ойонъ Паво
въ день базарный, сталъ среди народа
и стоитъ, какъ дубъ среди подлѣска,
какъ сосна среди кустовъ ольховыхъ.
Вотъ возвысилъ голосъ онъ и молвить:
«Слушайте меня! Когда найдется
среди васъ силачъ, такой отмѣнный,
чтобъ меня онъ удержалъ на мѣстѣ
хоть одно, одно только мгновенье,
чтобы подъ его рукой могучей
ни на шагъ не могъ сойти я съ мѣста,—

пусть беретъ мою избу съ землею,
пусть беретъ моихъ коровъ молочныхъ,
пусть беретъ моихъ коней ретивыхъ.
Я же самъ слугою ему буду
и душой, и тѣломъ до могилы!»
Такъ къ народу молвилъ сильный Паво.
Нарни же поникли головою
и молчать... Смѣется Ойонъ Паво:—
кто принять посмѣетъ смѣлый вызовъ!
Съ удивленьемъ и любовью смотреть
на него красавицы-дѣвицы:
онъ стоитъ, какъ дубъ среди подлѣска,
какъ сосна среди кустовъ ольховыхъ.
И горять, какъ звѣзды, его очи,
какъ заря, чело его младое;
разметались шелковыя кудри,
какъ лучи вокругъ мощнаго утеса.
Но вотъ вышла молодая Айна
изъ толпы, какъ ясная денница,—
и подходитъ прямо къ Ойонъ Паво,
обвилась вокругъ него руками
и щекой къ щекъ его прильнула,
поглядѣла ему прямо въ очи
и сказала: «Сбрось мои оковы!»
Но стоитъ покорно сильный Паво
и не можетъ двинуться онъ съ мѣста.

И сказалъ онъ, наклоняясь къ Айнѣ:
«Айна, Айна! Мой закладъ потеряю,
такъ бери жъ мою избу съ землею!
такъ бери жъ мои стада и деньги!
Я же самъ слугою тебѣ буду
и душой, и тѣломъ до могилы!»

* *

III.

ИДИЛЛИИ и ЭПИГРАММЫ.

Часть II.

1.

Первый поцѣлуй.

Плыла по небесамъ вечерняя звѣзда,
и дѣва молвила, поднявъ къ ней взоръ
лучистый:
«Скажи, что думаютъ на небесахъ, когда
дарятъ влюбленные другъ другу первый чистый
любовный поцѣлуй?»—И дочь небесъ въ
отвѣтъ:
«Глядятъ тогда въ глаза имъ ангелы, ликуя,
въ нихъ видя райскаго блаженства отблескъ,
свѣтъ;
и только плачетъ смерть при видѣ поцѣлуя».

А. Ганзенъ.

2.

Л ю б о в ь.

Мать бранила дочку: «И зачѣмъ я
отъ любви спасти тебя старалась?
Весь мой трудъ пропалъ, какъ погляжу я!»
Дочь въ отвѣтъ ей: «Выслушай, родная!
Отъ него на ключъ я запиралась—
онъ въ окошко входитъ вмѣстѣ съ солнцемъ;
отъ него я въ поле убѣгала—
онъ по вѣтру вздохъ свой присылаетъ;
я глаза и уши закрывала—
онъ же, плутъ, стучится прямо въ сердце».

Н. Новичъ.

(Съ нѣмецкаго).

3.

Р а з н и ц а.

Я сидѣлъ, тоскуя и вздыхая,
воробей же, мимо пролетая,
постучалъ въ окно миѣ по пути
и сказалъ: «О чемъ ты? Не грусти!
Безъ причины плакать не годится!
Пару зеренъ, капельку водицы
и невѣсты ласковый призывъ
я имѣю—и вполнѣ счастливъ!»—

«Птичка, птичка!» я въ отвѣтъ: «скажи мнѣ,
развѣ крылья легкія даны мнѣ,
чтобъ, какъ ты, взлетать я къ небу могъ?
А невѣсту—даль мнѣ развѣ Богъ?»

Пр. Б.

(Съ вѣмецкаго).

4.

Не мути души дѣвичьей.

Мыла дѣвушка однажды
пожки бѣлыя въ ручѣ,
а надъ ней запѣла птичка:
«Не мути воды хрустальной!
Вѣдь ручей мой перестанетъ
сводъ небесный отражать!»
Подняла она къ пѣвунѣ
очи, мутныя отъ слезъ:
«Не тревожься ты, малютка, —
вновь ручей твой прояснится!
Но когда меня ты ночью
вмѣстѣ съ юношей увидишь,
то ему тогда пропой:
Не мути души дѣвичьей!
Ей не стать вѣдь снова ясной
и небесъ не отражать!»

Пр. Б.

(Съ нѣмецкаго).

5.

М и р ъ.

Мнѣ родная все твердила,
чтобы я, какъ кладъ, хранила,
среди заботы повседневной,
чистоту и миръ душевный,
я же миръ свой утерjala...
Ахъ, зачѣмъ ты мнѣ сказала,
что встрѣчаться не должна я
съ тѣмъ, кто миръ мой взялъ, родная?
Если бъ онъ на мнѣ женился,
вновь бы миръ мой возвратился.

Пр. Б.

(Съ нѣмецкаго).

6.

П е р е м ѣ н а.

Каждый день бранять меня, бывало:
никогда я зеркала не знала, —
какъ попало, голову приглажу
и, какъ мальчикъ, бѣгаю и лажу.
А теперь... «Что сдѣлалось съ тобою?
Ты лишилась, дѣвушка, покою!
Наряжаться стала, какъ кокетка,
и глядишься въ зеркало нерѣдко!»

Какъ могла я такъ перемѣниться?
И чего мнѣ хочется добиться?—
Пустька,— отвѣтъ даетъ сердечко:—
получить отъ юноши колечко!

П. Новичъ.
(Съ нѣмецкаго).

7.

Длинный день.

Когда былъ милый здѣсь,
мнѣ день весны былъ малъ,
теперь же, безъ него,
день осени великъ!
«Какъ быстро день бѣжитъ!»
другіе говорятъ,
а я: какъ онъ ползетъ!
скорѣй бы уходилъ!
И жду я, скоро-ль вновь
придетъ ночной покой?...

Пр. Б.
(Съ нѣмецкаго).

8.

Затруднительный выборъ.

Гляжу я на дѣвушекъ милыхъ
и тщательно ихъ изучаю;
я лучшую выбрать хотѣлъ бы,
но все нахожусь въ затрудненьи:

у первой—прелестные глазки,
вторая за то посвѣжѣе,
у третьей—румяныя губки,
четвертая—сердцемъ помягче;
и нѣтъ ни одной, отъ которой
я могъ бы легко отказаться,—
во всякой особая прелесть!
О, если бъ обнять ихъ всѣхъ сразу!

И. Новичъ.
(Съ нѣмецкаго).

9.

Терновникъ.

О, родное мнѣ растенье,
непривѣтливый терновникъ!
Льдомъ одѣтъ, ты презираемъ,
весь въ шипахъ, ты ненавидимъ.
Но я мыслю предъ тобою:
лишь весна тебя коснется,
ты покроешься цвѣтами,
и другого не найдется
столь прелестнаго растенья,
столь любимаго, какъ ты.

О, какъ много у природы
есть нагихъ терновыхъ стеблей

и одной любви имъ нужно,
нужно теплаго лишь взгляда,
чтобы розами одѣться,
чтобы стать отрадой всѣхъ.

Я. Гротъ.

10.

Рѣдная птичка.

Сынъ вернулся вечеромъ въ избушку,
а старуха-мать къ нему съ упрекомъ:
«Всякій день къ своимъ силкамъ ты ходишь,
а пришелъ назадъ—пустыя руки!
Нерадѣнье ль это, неумѣнье ль,
по одинъ ты такъ удачно ловишь».
Отвѣчалъ старушкѣ бойкій парень:
«Это право, матушка, не диво!
Не одинъхъ вѣдь, знаешь, птичекъ ловимъ, —
не одна, конечно, и удача!
Тамъ, на торпѣ маленькомъ, за боромъ
запримѣтилъ я, родная, птичку;
напролетъ всю осень простерегъ я,
изловить едва успѣлъ зимою,
а домой ужъ по веснѣ мы будемъ.
Да и птичка жъ! Рѣдкостная птичка:
вмѣсто крыльевъ есть у ней объятъя,
вмѣсто пуха—шелковистый волосъ,
вмѣсто клюва—кругленькія губки!»

В. Головинъ.

IV. РАЗСКАЗЫ ПРАПОРЩИКА СТОЛЯ.

I.

Н а ш ъ к р а й.

(Гимнъ).

Нашъ край, нашъ край, родимый край!

Греми, о кликъ святой!

Какихъ намъ горъ, долинь ни дай,

какихъ волна сторонъ ни знай,

гдѣ любятъ такъ свой край родной,

какъ любимъ сѣверъ свой!

Убогъ нашъ край, и будь такимъ

корыстному душой!

Чужой, кичась, пройдетъ предъ нимъ,

но милъ онъ, милъ сынамъ своимъ,

намъ милы шхеры, боръ густой,—

тамъ край нашъ золотой!

Мы любимъ говоръ рѣкъ своихъ,

своихъ ручьевъ полеть,

унылый шумъ лѣсовъ густыхъ,

сіянье лѣта, звѣздъ ночныхъ:

все, все, что взглядъ иль пѣснь даетъ,

чѣмъ сердце здѣсь живетъ!

Здѣсь мыслью, плугомъ, здѣсь мечомъ
отцы вели свой бой;
здѣсь, здѣсь, во тьмѣ и яснымъ днемъ,
равно покоенъ, твердъ во всемъ,
здѣсь сердцемъ жилъ народъ родной,
здѣсь финитъ несь жребій свой!

Кто жъ битвы счелъ, кто скорби счелъ
его былыхъ годовъ?
Громъ брани шелъ изъ дола въ доль,
илъ холодъ голодъ блѣдный вель;
кто смѣрилъ всю его любовь,
имъ пролитую кровь?

Вотъ здѣсь-то лилъ ту кровь, страдалъ,
страдалъ за насъ не разъ,
вотъ здѣсь веселье миръ вкушалъ,
вотъ здѣсь терпѣлъ, вотъ здѣсь вздыхалъ
народъ, что бодро несь въ свой часъ
здѣсь жребій свой до насъ!

Здѣсь счастье намъ, здѣсь намъ покой,
здѣсь наша жизнь полнѣй;
каковъ ни будь удѣлъ земной,
у насъ есть край, есть край родной:
что краше на землѣ на всей,
милѣй страны своей?

Вотъ здѣсь, вотъ здѣсь нашъ край родной:
смотри кругомъ, зрирай!

Мы можемъ указать рукой
на валъ морской, на берегъ свой,
и нѣжно молвить: «вотъ онъ, знай,
вотъ нашъ родимый край!»

Средь облакъ дня стелись нашъ путь
въ лазури золотой,
илъ пляской звѣздъ вся жизнь намъ будъ,
гдѣ взоръ безъ слезъ, безъ вздоховъ грудъ,
мы все-жъ душой въ край бѣдный свой
рвались бы вновь съ тоской!

Край, тысячи озеръ ты край,
гдѣ вѣрность, пѣснь живутъ!
Убогъ, но все-жъ блистай, сіяй,
былой нашъ край, грядущій край:
намъ берегъ въ морѣ жизни тутъ,
намъ вольный тутъ пріютъ!

Вѣдь, въ почкѣ скрытъ, взойдетъ твой цвѣтъ!
Любовь сыновъ хранитъ
твой блескъ, твой цвѣтъ, твой день, твой свѣтъ,
твоихъ надеждъ и благъ разцвѣтъ!
Вновь ярко гимнъ нашъ зазвучитъ,
родной нашъ прогремитъ!

В. Головинъ.

XIV.

Кульневъ.

Еще не поздно, есть о чемъ
намъ вспоминать; теперь два слова
скажу про Кульнева: о немъ
тебѣ, чай, слышать ужъ не ново?
Прямой солдатъ! Онъ жить умѣлъ,
но и предъ смертью не блѣднѣлъ;
онъ первымъ былъ и въ схваткѣ пылкой,
и межъ друзьями за бутылкой.

Рубиться—то была въ немъ страсть,
шутя платилъ онъ долгъ отчизнѣ
и вѣрилъ онъ, что жребій—пасть
есть только цвѣтъ героической жизни:
какимъ оружіемъ ни владѣй,
такъ думалъ онъ: но пасть умѣй —
кто въ битвѣ, кто въ весельѣ пьяномъ,
илъ съ саблей острой, илъ съ стаканомъ.

Въ любви—забавы онъ искалъ
и скоръ былъ въ выборѣ предмета;
бывало, съ битвы—тотчасъ балъ
затѣетъ онъ, и до разсвѣта
все близъ красавицы своей,
а тамъ возьметъ башмакъ у ней

и, вливъ въ него струи шипящей,
пьетъ тостъ прощальный предъ дрожащей.

Ты-бъ посмотрѣлъ его черты!

Между картинъ убогой хаты

еще порой увидишь ты

какой-то обликъ волосатый:

ты подойдешь—проглянетъ ротъ,

улыбка кроткая блеснетъ

и взоръ пріветливый, открытый.

Вглядись: то Кульневъ знаменитый.

Но тотъ лишь, въ комъ душа крѣпка,

при сшибкѣ съ нимъ не содрогался:

кто лѣшихъ трусилъ хоть слегка,

тотъ не шутя его пугался:

вдали былъ видъ его лица

страшнѣе стали и свинца,

и дрогли старые солдаты,

смотря на чубъ его косматый.

Таковъ онъ былъ, когда на насъ,

поднявши саблю, скокомъ мчался;

таковъ же былъ, когда подчасъ

безпечной лѣни предавался;

когда въ тулупчикѣ своемъ

онъ хаживалъ изъ дома въ домъ

и, гдѣ полюбится, порою

живалъ какъ другъ съ семьей чужою.

Разскажутъ матери тебѣ
про свой испугъ, когда, бывало,
онъ прямо къ люлькѣ шастъ въ избѣ —
безъ спросу, не чинясь ни мало.
«Но какъ посмотришь», скажетъ мать:
«дитя онъ станетъ цѣловать
съ улыбкой, съ кротостью такою,
какъ на картинкѣ предъ тобою».

Да, Кульневъ—рѣдкій былъ добрякъ,
ему святое было свято;
любилъ испить? положимъ такъ:
въ томъ было сердце виновато.
Онъ сердце то носилъ съ собой,
бывалъ ли миръ, кипѣлъ ли бой;
и—цѣловалъ онъ или дрался —
въ душѣ все тотъ же оставался.

Довольно славныхъ воеводъ
въ дружинахъ русскихъ; до похода
молва о нихъ ужъ напередъ
дошла до нашего народа.
Барклай, Каменскій, Багратъонъ —
кто здѣсь не слышалъ ихъ именъ?
и жаркихъ стычекъ ожидали
вездѣ, гдѣ ихъ въ строю видали.

Но Кульнева никто не зналъ,
пока война была далече;
нагрянулъ онъ, какъ въ морѣ шквалъ
и понять былъ при первой встрѣчѣ;
улавъ какъ молнія изъ тучъ,
онъ былъ такъ новъ и такъ могучъ;
одинъ ударъ—и цѣлымъ краемъ
отважный былъ цѣнимъ и знаемъ.

Весь день дрались; усталъ солдатъ —
и шведъ, и русскій; слава Богу,
конецъ потѣхъ! всякій радъ
заспать кровавую тревогу.
Но вотъ, пока мы въ сладкомъ снѣ
забыть успѣли о войнѣ,
«къ ружью!» раздастся вдругъ съ пикета,
и Кульневъ тутъ какъ тутъ до свѣта!

Отъ русской арміи вдали,
лѣсами, медленно и мирно
мы со своимъ обозомъ шли
и сладко пили, ѣли жирно,
какъ вдругъ—чуть вѣрится глазамъ —
незваннымъ гостемъ Кульневъ къ намъ!
Вотъ пыль взвилася... топотъ... клики —
и передъ нами блещутъ пики.

И если твердо усилимъ
мы на коняхъ въ пылу защиты,
то съ шира нашего къ своимъ
усачь-наѣздникъ ѣдетъ бритый.
Но если шведъ иль финнъ плошалъ,
то наши фляги осушалъ
исправно гость нашъ бородатый
и звалъ насъ къ Дону для расплаты.

И въ снѣгъ и въ дождь, въ морозъ и въ зной,
при ясномъ днѣ, въ ночи туманной,
вездѣ былъ Кульневъ удалой
и насъ тревожилъ безпрестанно.
И если въ свалкѣ боевой
бросался дружно строй на строй,
то разомъ могъ замѣтить всякой,
что шла борьба съ лихимъ рубакой.

Но финнамъ всѣмъ онъ дорогъ былъ,
и я не зналъ у насъ солдата,
который впрямь бы не любилъ
его какъ добраго собрата.
И было весело смотрѣть,
когда карельскій нашъ медвѣдь
съ медвѣдемъ русскимъ гдѣ встрѣчался,
и каждый сладко ухмылялся.

И былъ обрадованъ тогда
онъ лапъ знакомыхъ приближеньемъ;
сразиться стоило труда —
и въ бой вступалъ онъ съ наслажденьемъ.
И жарко съ Кульневымъ у насъ
кипѣла битва; дивный часъ!
Онъ насъ, его мы не щадили,
другъ другу съ лихвой долгъ платили.

Угасла жизнь его давно;
онъ палъ съ мечемъ въ борьбѣ кровавой;
но имя Кульнева—оно
живетъ, сіяя вѣчной славой.
Кто имя то ни назоветъ,
проволвить: «храбрый» напередъ;
какъ слово «храбрый» чудно, громко
отъ благодарнаго потомка!

На насъ рука его несла
бѣду и смерть и ужасъ боя;
но честь его и намъ мила,
какъ честь родного намъ героя.
Сильнѣе узъ родства племень,
сильнѣй отеческихъ знаменъ
дружить насъ въ битвахъ та же сила
отваги, доблестнаго пыла.

Хвала же Кульневу, хвала!
Онъ въ нашихъ пѣсняхъ жить достоинъ,
пусть нашихъ кровь предъ нимъ текла:
что-жъ? съ нами бился онъ какъ воинъ!
Онъ былъ нашъ врагъ—что нужды въ томъ?
Мы съ нимъ и зналиcя какъ съ врагомъ.
И онъ, какъ мы, героемъ въ дѣло
кидался весело и смѣло.

Вражду лишь робкій заслужилъ.
Ему позоръ и посмѣянье!
Но честь тому, кто совершилъ
безстрашно война призванье!
Хвалу отъ сердца мы поемъ
тому, кто бился молодцомъ,
чѣмъ ни былъ намъ онъ въ жизни—братомъ
или отважнымъ супостатомъ.

Я. Гротъ.

V. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Вечеръ на Рождество.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ;
голодный звѣрь въ ущельи вылъ,
былъ слышенъ лай изъ дальнихъ селъ.
Въ ту пору лѣсомъ путникъ шелъ
въ пустыню, гдѣ былъ кровь его.
Морозить; завтра Рождество.

Глухою, снѣжною тропой,
усталый, онъ снѣшить домой
къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ,
и хлѣбъ для праздника роднымъ
несетъ онъ съ барскаго двора.
Имъ хлѣбъ—древесная кора.

Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ;
вдругъ отрокъ виденъ въ сторонѣ:
къ сугроу молча прислоненъ,
дыханьемъ руки грѣетъ онъ,
и мнится, пламя жизни въ немъ
погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.

«Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Приди погрѣться къ намъ домой».
И онъ иззябшаго беретъ.
Вотъ наконецъ онъ у воротъ;
вотъ онъ вошелъ на пиръ къ роднымъ,
съ гостинцемъ, съ другомъ молодымъ.

У печки тамъ жена его
младенца кормитъ своего:
«Какъ ты себя заставилъ ждать!
Приди-жъ къ огню, поближе сядь;
ты также!» Ласкова, нѣжна,
дитя къ огню ведетъ она.

И черезъ мигъ, послушно ей,
взвивалось пламя ужъ рѣзвѣй;
не помня нужды, весела,
тогда свой хлѣбъ она взяла,
на столъ снесла его, потомъ
и кринку съ жидкимъ молокомъ.

Ихъ полъ, для жданнаго денѣка,
соломой былъ покрытъ слегка.
Съ него всталъ рой ребятъ къ столу;
одинъ лишь гость еще въ углу.
Хозяйка бѣднаго беретъ
и также къ ужину ведетъ.

Когда молитва отошла,
хозяйка хлѣбецъ почала.
«Благословенъ убогихъ даръ!»
промолвилъ отрокъ: дивный жаръ
съ слезой въ очахъ его сіялъ,
когда свою онъ долю взялъ.

Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
но хлѣбъ все цѣль да цѣль у ней.
На гостя юнаго она
вперяетъ взоръ, изумлена:
и смотритъ, смотритъ: что же съ нимъ?
Внезапно весь онъ сталъ другимъ.

Въ очахъ, какъ на небѣ, свѣтло,
блестить таинственно чело,
слетасть съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
какъ передъ утромъ паръ съ луговъ.
Привѣтный Ангелъ обнаженъ,
какъ Божій рай прекрасенъ онъ.

Денница радости взошла;
въ сердцахъ надежда разцвѣла,
и незабвенъ былъ вечеръ сей
подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый Ангелъ пировалъ.

*

Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ
и я былъ въ ночь предъ Рождествомъ.
Еще стоялъ смиренный кровъ,
и жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ.
И онъ ужъ старъ былъ, ужъ сѣдѣлъ,
но у того-жъ стола сидѣлъ.

Такъ чудно было, такъ свѣтло!
Жена сидѣла близъ него,
и рядъ дѣтей ихъ окружалъ:
молитвой воздухъ тамъ дышалъ;
и вѣрилось—обитель та
какъ Божій храмъ была свята.

Горѣла свѣчка на столѣ
(одна лишь и была въ семьѣ!):
тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко;
но ихъ не трогаетъ никто.
«Чье это мѣсто?» я спросилъ;
«Тамъ», мнѣ сказали: «Ангель былъ».

Я Гротъ.

Ларсъ-Яковъ Стенбэкъ.

Финская родина.

Безмолвно, тихой грустію томимъ,
шелъ въ горы молодой пѣвецъ; подъ нимъ
Финляндія прекрасная лежала:
Съ любовью скорбь въ груди его жила:
его мечта высокая влекла —
найти отчизну финна.

Присматриваясь къ жизни городской,
онъ пораженъ былъ чуждой суетой;
ему въ толпѣ безумной было тѣсно.
Среди ея волненій и тревогъ
онъ все нашелъ, лишь одного не могъ
найти: отчизну финна.

Въ иномъ помѣстьѣ радовали взглядъ
роскошныя стросня, паркъ и садъ;
но ложной образованности язва
подтачивала гордую семью;
онъ въ ней не могъ найти мечту свою,
найти отчизну финна.

Онъ шелъ, не останавливаясь: вдаль
его влекла души его печаль;

онъ проходилъ лѣса, долины, горы.
Въ лѣсахъ невнятно вѣтеръ говорилъ —
о чемъ? Быть можетъ, онъ ему сулилъ
найти отчизну финна?..

И шелъ пѣвецъ, все дальше, все впередъ,
и встрѣтилъ мирный и простой народъ;
тамъ, вѣрные обычаямъ стариннымъ,
имѣли всѣ открытый, смѣлый взоръ;
и понялъ онъ, что тамъ до нашихъ поръ
жива отчизна финна.

Воскресла пѣснь въ груди его; и онъ,
восторгомъ и любовью вдохновенъ,
запѣлъ, подобно птичкѣ беззаботной:
О, родина, тебя я розыскалъ!
Тутъ въ хижинахъ, среди родимыхъ скалъ,
живетъ отчизна финна!

Пр. Б.

(Съ нѣмецкаго).

Эмиль фонъ Квантенъ.

1.

Пѣсня Суоми.

Слушай, звонко пѣснь несется,
межъ утесовъ Вейнѣ льется:
это Суоми пѣснь!

Слушай шелестъ соснѣ высокихъ,
слушай шопотъ рѣкъ глубокихъ:
это Суоми пѣснь!

Вотъ, гдѣ полюсь, надъ снѣгами —
солнце съ лѣтними лучами:
это Суоми пѣснь!

Вотъ съ небесъ изъ мрака ночи
сѣверъ ярко смотритъ въ очи:
это Суоми пѣснь!

А долины, что ласкаютъ,
гдѣ ручьи въ цвѣтахъ играютъ:
это Суоми пѣснь!

А въ вѣнцахъ изъ лѣса — горы,
эхо, звѣздъ вечернихъ хоры:
это Суоми пѣснь!

Всюду тотъ же къ намъ взываетъ,
тотъ же голосъ не смолкаетъ:

это Суоми пѣснь!

Братъ, покуда сердце бьется,
слушай, веселье иль взгрустнется: —

только Суоми пѣснь!

В. Головинъ.

II.

Здравица за печать.

Есть власть грозивъ, чѣмъ мечъ
булатный;

есть сила: дальше, чѣмъ свинецъ разить;
есть голосъ мощи необъятной,
когда свободно, смѣло онъ гремитъ.

Лишь кровью мечъ багрить всѣ страны,
и стоны пушекъ смерть несутъ на долъ;
та жъ власть, разя, врачуетъ раны,
и всюду будить жизнь ея глаголь.

И вотъ задумчиво, съ очами,
что кротко блещутъ скорбью міровой,
она сидитъ теперь межъ нами
и краситъ братскій праздникъ нашъ собой.

Храня скрижаль ея закона,
ей служить наша дружная семья, —

и честь носить ея знамена
была для насъ задачей бытія.

Ей не измѣнять братья наши,
и, рать ея, царицы свѣтлой рать,
мы, какъ одинъ, поднимаемъ чаши:
да здравствуетъ свободная печать!

Есть власть грознѣй, чѣмъ мечъ
булатный;
есть сила: дальше, чѣмъ свинецъ, разить;
есть голосъ мощи необъятной,
когда изъ сердца прямо огнь гремитъ.

В. Головинъ.

Захарія Топеліусъ.

I.

Пѣсня работника.

Всѣ рады мы, финны, свой трудъ отдавать
Финляндіи, матери милой;
глубь водъ ся мѣрять и пашни пахать,
ей быть руководѣльною силой;
и вѣрность и честь
на службу ей несть,
чтобъ въ мирномъ привольѣ могла она цвѣсть;
чтобъ, мать не нуждалась,
жила безъ скорбей
и честно питалась
работой дѣтей.

Всѣ рады мы, финны, свой трудъ отдавать
Финляндіи матери милой.

Мать наша прекрасна, какъ день золотой;
насъ къ сердцу она прижимаетъ:
для насъ оно бьется, и жилъ его бой
намъ краткую жизнь согрѣваетъ.
Мать наша нѣжна;
ей платимъ сполна:

пусть рядится въ золото, въ жемчугъ она,
пусть вольно глядится
въ зеркальныхъ струяхъ
и нами гордится
съ любовью въ очахъ.

Мать наша прекрасна, какъ день золотой,
насъ къ сердцу она прижимаетъ.

В. Головинъ.

II.

Воробей въ рождественское утро.

Онушилъ березы снѣгъ,
бѣлый снѣгъ,
послѣ бурь осеннихъ;
блещутъ льды озеръ и рѣкъ,
свѣтлыхъ рѣкъ,
вѣтровъ ждуть весеннихъ.

Гость полей,
воробей
съѣлъ запасы лѣтнихъ дней...
Блещутъ льды озеръ и рѣкъ,
свѣтлыхъ рѣкъ,
вѣтровъ ждуть весеннихъ.

У раскрашенныхъ дверей,
у дверей
дѣвочка стояла.

«Ну, воробышекъ, скорѣй,
 поскорѣй,
 кушай, какъ бывало!
 Что за страхъ?
 Тишь въ домахъ,
Рождество у насъ въ гостяхъ;
ну, мой сѣренькій, скорѣй,
 поскорѣй,
 кушай, какъ бывало!»

Гость вспорхнулъ и ей къ ногамъ,
 ей къ ногамъ
 скачетъ беззаботно.
«Клюй, ячменныхъ зеренъ дамъ,
 зеренъ дамъ!»
 — «Поклюю охотно.
 Ихъ сочтеть
 Богъ сиротъ;
Онъ на бѣднаго пошлетъ!»—
«Клюй, ячменныхъ зеренъ дамъ,
 зеренъ дамъ!»
 — «Поклюю охотно.

«Вѣдь не тотъ я, кто на взглядъ,
 кто на взглядъ
 здѣсь передъ тобою:

я вѣдь маленькій твой братъ,
крошка-братъ,
взятый въ гробъ весною.
И въ трудѣ,
и въ бѣдѣ
хлѣбца ты даешь нуждѣ...
Дай и мнѣ, вѣдь я твой братъ,
крошка-братъ,
взятый въ гробъ весною!»

В. Головинъ.

III.

Млечный путь.

Ясна безоблачная ночь; погашены огни.
Воскресли въ памяти моей умчавшіеся дни,
сказанья старыя встаютъ въ туманѣ голубомъ,
и въ сердцахъ, полномъ свѣтлыхъ грезъ,
повѣяло тепломъ.

Какъ хороша улыбка звѣздъ! какъ ясенъ
звѣздный свѣтъ!

Какъ будто вовсе на землѣ ни мукъ, ни
смерти нѣтъ!

Нѣмой языкъ и сказки звѣздъ не всякому
понять;

послушать хочешь ихъ? Одну успѣлъ я
перенять.

Въ лучахъ заката, на одной изъ звѣздъ, онъ
обиталь;

она—далеко, на другой... Эoirъ ихъ
раздѣлялъ.

Онъ назывался Суламитъ, она же—Салами;
другъ друга начали любить они еще людьми.

Еще при жизни на землѣ любовь ихъ
разцвѣла.

Ихъ разлучила смерти мгла, грѣха и ночи
мгла!

Хоть крылья выросли у нихъ въ безмолвіи
могиль,
но, понимаешь, ихъ самъ Богъ къ разлукѣ
присудилъ.

Двѣ одинокія души, разлучены Творцомъ,
забыть другъ друга не могли... Въ эoirѣ
голубомъ
межъ ними звѣздные міры, которымъ счета
нѣтъ,
горѣли въ пламенныхъ лучахъ и множество
планетъ.

Однажды ночью Суламитъ задумалъ сдѣлать
мостъ
къ звѣздѣ любимой, изъ лучей и свѣта
прочихъ звѣздъ;

О, знайте всѣ, кому любовь отрады не дала:
пусть разлучитъ васъ смерти мгла, грѣха и
ночи мгла, —
ищите встрѣчи, и она придетъ: когда-нибудь
изъ міра этого въ другой проложите вы путь!

Н. Новичъ.

(Съ нѣмецкаго).

Юлій Вексель.

Местъ гномовъ.

Въ разщелинѣ горной скрывается гномъ,
онъ золото съ силою бьетъ молоткомъ;
разносятся искры, а онъ все куетъ,
и злобно хохочетъ, и громко поетъ:

«Отъ солнца и свѣта въ разщелины скалъ,
въ подземную мглу человѣкъ насъ загналъ;
надменный и жадный, онъ всѣмъ намъ
вредить,
но ядъ нашъ готовъ, онъ за насъ отомститъ.

«Мы золото въ мракѣ подземномъ куемъ,
идетъ оно людямъ на гибель потомъ;
въ глубокія шахты, во мглу галлерей,
коварно блестя, оно манить людей.

«Душой человѣка легко завладѣть:
лишь золоту стоитъ предъ нимъ заблестѣть—
и солнечный день и небесную твердь
мѣняетъ онъ съ радостью на ночь и смерть.

«Предъ золотомъ падаетъ поднятый мечъ,
о вѣрности долгу забыта и рѣчь;

оно заставляет не вѣрить любви,
алтарь осквернять и купаться въ крови.

«Оно отнимаетъ дѣтей у отца,
вселяетъ невѣрье въ людскія сердца
и въ юношахъ гаситъ ихъ пылъ молодой,
ихъ кровь разбавляя холодной водой.

«Блести же, металлъ, все сильнѣй и сильнѣй,
все громче ты, молотъ возмездія, бей!
Погибнетъ людей ненавистный намъ родъ,
и снова земля въ нашу власть перейдетъ!»

Пр. Б.

(Съ нѣмецкаго).

Карлъ Тавастшерна.

I.

Съ весеннею ласточкою.

Милая ласточка! Любишь ты въ высь,
въ синюю высь уноситься —
будь сострадательна: къ милой помчись,
вѣстникомъ лѣта бѣдняжкѣ явись,
пусть ся взоръ прояснится!

Милая ласточка! Крылышкомъ ты
нѣжно коснись ея щечки,
съ липы стряхни на нее ты цвѣты,
пусть ей навѣютъ о счастье мечты
бѣлые эти цвѣточки!

Милая ласточка! Если она
спрашивать что-нибудь станетъ,
ты ей скажи, что морская волна
шепчетъ о встрѣчѣ, чиста и ясна,
и въ путешествіе манить.

Милая ласточка! Милой ты спой
пѣснь о любви безконечной:

сю вѣдь дышетъ просторъ міровой,
дышетъ и солнечный лучъ золотой,
дышетъ и вѣтеръ безпечный.

Милая ласточка! Жизнь есть полеть,
пой это людямъ, ликуя:
пусть это горе людское пойметъ,
крылья распустить и смѣло рискнетъ
къ небу взлетѣть, торжествуя!

И. Новичъ.

II.

Признаніе.

Ночь темна. Надъ самою землею
тучъ тяжелыхъ мчится караванъ.
Вздохи волнъ доносятся порою
сквозь густой какъ облако туманъ.

Въ тепломъ пледѣ, въ хижинѣ, ты внемлешь
полнымъ страсти, пламеннымъ рѣчамъ.
Ты молчишь,—быть можетъ, просто
дремлешь...

Смутно виденъ образъ твой очамъ.

Не тебѣ понять мои страданья;
чѣмъ я счастливъ—легче ты поймешь.

Наконецъ, добился я признанья;
безъ борьбы ты руку миѣ дашь.

Но съ руки перчатки не сняла ты;
оглянувшись, пусто-ли кругомъ,
говорить спокойно начала ты,
словно рѣчь Богъ вѣдаетъ о чемъ:

«И бываю истинно счастливой
въ тѣ часы, когда внимаю вамъ,
вашей рѣчи нѣжной и красивой,
вашимъ плавно льющимся словамъ.

«Но любить... любить васъ не должна я.
И не лучше ль въ памяти своей
сохранить, ничѣмъ не омрачая,
память лучшихъ выпавшихъ намъ дней?»

Но рука, что глажу я рукою,
говорить инымъ миѣ языкомъ;
этой рѣчи вѣрю я душою, —
не словамъ подсказаннымъ умомъ.

То—слова бездушныя, пустыя,
смыслъ ихъ—въ ручкѣ маленькой твоей!
И тебѣ пазадъ твоей руки я
не отдамъ,—я вѣрю только ей!

И ее цѣлую я безъ счета,
разставаясь съ милою. Изъ тучъ
дождь полилъ... Пусть леть, коли охота!
Мнѣ сіяетъ счастья свѣтлый лучъ.

Пр. Б.

Михаилъ Любекъ.

Восходъ солнца.

Въ небѣ—ни тучки;
въ морѣ—волна не плеснеть.
Ночь, довершая обходъ,
пологъ свой съ міра снимаетъ.
Мгла исчезаетъ,
берегъ изъ мрака встаетъ.

Рѣзвыя нимфы
всплыли изъ глуби морской;
любо имъ плавать гурьбой!
Тамъ задремала малютка,
прочія чутко
слухъ напрягаютъ порой.

Вотъ надъ землею,
блескомъ кровавымъ горя,
медленно встала заря.
Нимфы бѣгутъ торопливо
рдѣя стыдливо,
небо встрѣчаетъ царя.

Солнце, ты встало,
міръ свой привѣтъ тебѣ шлетъ.
Радостенъ всѣмъ твой приходъ.
Въ грустномъ молчаньи природа
 вплоть до восхода
спитъ и лучей твоихъ ждетъ.

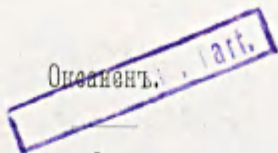
Солнце, ты гордо
смотришь на міръ съ высоты.
Богомъ земнымъ было ты,
свергнутый міромъ владыка.

Какъ ты велико,
сколько въ тебѣ красоты!

Пр. Б.

II. Поэты, писавшіе по фински.

I.

Я бы умеръ...

Кончить счеты съ этимъ міромъ,
умереть—когда я могъ бы?

Я бы умеръ съ легкимъ сердцемъ,
будь моею эта дѣва.

Я бы умеръ, огорченный,
если бъ пѣсенъ даръ утратилъ,
не нашелъ для нихъ сюжета.

Я бы умеръ въ упоеньи,
если бъ родины забитой
я дождался возрожденья,
и языкъ услышалъ финскій
съ устъ всего народа финновъ.

Пр. Б.

II.

Голодающая мать.

Финляндія родная,
страдалица моя!
Твои страданья видя,
душой болѣю я!

Когда ты грудь имѣла
полнѣе, здоровѣй,
съ любовью материнской
кормила ты дѣтей.

Теперь твой ликъ измученъ,
и грудь истощена,
въ твоємъ потухшемъ взорѣ
нѣмая скорбь видна.

О, мать! ты голодаешь,
тебѣ не въ моготу;
ты ощущаешь слабость,
усталость, тошноту.

Склонись, моя родная,
сюда, на грудь мою!

Чтобъ снова ожила ты,
сквозь слезы я пою,—

пою тебѣ нарочно
на языкѣ родномъ;
и—если бѣ только зналъ я,
что будетъ польза въ томъ—

я сердце поразилъ бы
и, кровь проливъ свою,
къ устамъ твоимъ поднесъ бы
горячую струю.

Пр. Б.

III.

Пѣсня саволакца.

Люблю я Саво вспоминать,
мой милый край родной,
гдѣ всѣмъ бѣду случалось знать,
но гдѣ за грѣхъ сочли бѣ роптать
на свой удѣлъ земной.

Какъ хороша моя страна
и рядъ ея холмовъ!
Какая въ полѣ тишина,
какою прелестью полна
въ ней сѣнь густыхъ лѣсовъ.

Какъ очаровываютъ взоръ
тамъ горные хребты!
Какой прохладой вѣетъ съ горъ
И сколько дальній синій боръ
скрываетъ красоты!

Гдѣ небо звѣздное горитъ
роскошнѣе зимой?
Что красотой своей затьмить
сіянья сѣвернаго видъ
въ странѣ моей родной?

Одно лишь прелестью своей
затьмить могло бы ихъ:
еще прекраснѣй и милѣй
сіянье дѣвпчьихъ очей,
какъ небо голубыхъ!

Прибавлю къ этому одно:
хоть бѣденъ Саво мой,
смѣяться въ Суоми грѣшно
надъ тѣмъ, что не было дано
намъ справиться съ нуждой.

Вѣдь Богъ не разъ вамъ посылалъ
на ниву урожай,

межъ тѣмъ какъ нашу—врагъ топталъ
и въ урожайный годъ страдалъ
отъ голода нашъ край.

Нерѣдко миръ и тишина
стоятъ въ отчизнѣ всей,
лишь въ нашей области война
царить, безжалостна грозна,
и кровь струится въ ней.

Когда бъ могли мы разговоръ
природы уловить,
когда бъ умѣли древній боръ
ручьи долинъ и скалы горъ
заставить говорить,

они могли бъ поразсказать:
«Когда-то здѣсь въ бою
умѣли люди умирать,
умѣли головы слагать
за родину свою!»

Вотъ почему всегда любилъ
я Саво всей душой,
и изъ всего, что сотворилъ
Создатель въ мірѣ, такъ миѣ милъ
и дорогъ край родной!

Пр. Б.

IV.

Къ южному вѣтру.

Вѣтеръ, вѣтеръ! ты несешься
къ Саво, родинѣ моей,
ты цѣлуешь мимоходомъ
все цвѣты родныхъ полей, —

мой привѣтъ сердечный къ милой
занеси ты по пути
и отвѣтъ ей, обратно
возвращаясь, захвати.

Если бъ милую надъ краемъ
водопада ты засталъ,
береги мою голубку,
какъ и я оберегалъ.

Если бъ ты ее увидѣлъ
у знакомаго ручья,
расцѣлуй ее покрѣпче,
какъ когда-то дѣлалъ я.

Если милая заливомъ
въ лодкѣ маленькой плыветъ,
помоги, какъ я когда-то,
ей скользить по глади водъ.

Если милую ты встрѣтишь
на порогѣ, какъ порой
мнѣ встрѣчать ее случалось,
ей объятья ты раскрой.

Если жъ милой не увидишь
ты нигдѣ въ родныхъ мѣстахъ,
если взять уже землю
дорогой, безцѣнный прахъ,

брось цвѣтокъ ей на могилу
и шепни тихонько ей:
«За тобой и милый скоро
отойдетъ въ страну тѣней».

Пр. Б.

V.

Невѣста кормчаго.

«Не бойся ты, Анна, голубка моя,
бушующихъ волнъ Ньюэртя!
Хоть ихъ успокоить не взялся бы я —
пусть ропщутъ онѣ, не смолкая:
кому всѣ пороги знакомы, какъ мнѣ,
тотъ можетъ довѣриться бурной волнѣ».

Сказавъ это, Анну, невѣсту свою,
Вильгельмъ въ свою лодку сажаетъ,
и вотъ ужъ волна подхватила ладью
и, пѣнясь, борты заливаешь;
доволенъ Вильгельмъ,—какъ ребенокъ онъ
радъ
невѣстѣ своей показать водопадъ.

«Сіяетъ луна надъ поверхность водъ,
сіяетъ такъ ярко и нѣжно;
одинъ только звѣздный не спитъ хороводъ,
все прочее спитъ безмятежно.
Съ какимъ наслажденьемъ съ тобою вдвоемъ
теперь я послѣднимъ забылась бы сномъ!»

Такъ Анна сказала, изъ ясныхъ очей
слезу въ упоенны роняя;
теченье межъ тѣмъ становилось быстрѣй,
ладью за собой увлекая;
но ловко Вильгельмъ управляетъ рулемъ:
недаромъ такъ гордъ онъ своимъ ремесломъ

Влеченіе съ дѣтства имѣлъ онъ къ рѣкѣ:
обрызганный пѣною бѣлой,
онъ мимо пороговъ не разъ въ челнокѣ
катался, отважный и смѣлый;

въ ней камни подводные съ дѣтства онъ
зналъ
и могъ не бояться предательскихъ скаль.

Но тамъ, гдѣ теченье сильнѣе бурлитъ,
и камни встрѣчаются чаще,
тамъ младшая дѣва Ахтолы сидитъ,
окутана пѣной блестящей;
пасетъ она стадо Велламо и взгляды
порой устремляетъ на бурный каскадъ.

Есть сердце и въ этой груди молодой,
подъ пѣнистой бѣлой одеждой;
пылать оно можетъ и тамъ, подъ водой,
любовью и тайной надеждой.

Отважнаго кормчаго съ давнихъ ужъ поръ
привыкъ на порогахъ встрѣчать ся взоръ.

И странное чувство волнуетъ ее:
русалка тоскуетъ, вздыхая,
не зная, чѣмъ сердце утѣшить свое,
чего оно хочетъ—не зная.

Сидитъ она молча средь пѣнистыхъ волнъ
и ждетъ, не покажется ль милый ей челнъ.

Вильгельмъ же съ невѣстой быстрѣе стрѣлы
въ ладѣ къ водопаду несутся:

ее то подымуть на гребень валы,
то вновь черезъ край ея льются.
Невѣста блѣдный и блѣдный лицомъ,
Вильгельмъ же безстрашно стоитъ надъ ру-
лемъ.

Завидѣвъ Вильгельма, веселья полна,
русалка къ нему подплываетъ:
«То онъ, то Вильгельмъ мой! Но кто же она?
Кого онъ съ собою катаетъ?
О, горе мнѣ, горе! Онъ больше не мой,
онъ любить, онъ связанъ съ подругой земной!»

И, мстью пылая, русалка плыветъ
и быстро со дна водопада
скалу поднимаетъ къ поверхности водъ;
предъ этой неожиданной преградой
безсильно искусство, ломается челинь,
и гибнетъ съ невѣстой Вильгельмъ среди
волнъ.

Скала же, по слухамъ, и нынѣ цѣла:
донынѣ средь волнъ Пюёртя
виднѣется «дѣвы Велламо скала»;
подъ ней, безутѣшно вздыхая,
русалка сидитъ, молчаливо грустна:
забыть о Вильгельмѣ не можетъ она.

И. Новичъ.

Суоніо.

I.

В о р о б е й.

Когда бы пѣть умѣлъ я
на всякихъ языкахъ,
когда бъ на мощныхъ крыльяхъ
носился въ небесахъ —

Финляндію родную
тогда бъ я воспѣвалъ
и всѣ ея стenanья
Творцу передавалъ.

Быть можетъ, устремилъ бы
на насъ Онъ взоръ благой,
и край нашъ освѣтилъ бы
лучъ солнца золотой!

Такихъ высокихъ пѣсень
мнѣ пѣть не суждено,
взлетать на мощныхъ крыльяхъ
мнѣ къ небу не дано...

Но пусть, хотя и слабый,
раздастся голосъ мой —
вѣдь прочихъ птичекъ пѣнья
не слышится зимой!

Съ весной вернутся птицы,
поющія звучнѣй,
и, пѣнью ихъ внимая,
умолкнетъ воробей.

Пр. Б

II.

Молитва за отечество.

О, Царь царей, Свой взоръ благой
Ты обрати на край родной!
Владыка неба и земли,
Свои дары ему пошли!

Немногочисленъ нашъ народъ,
и не ему отъ всѣхъ почетъ,
но и народъ, что всѣхъ сильнѣй,
что онъ—безъ помощи Твоей?

Ты только знакъ рукою даль —
и вмигъ послѣдній первымъ сталъ,

и вмигъ во прахъ и въ пыли
лежатъ великіе земли.

Чтобъ обнаружилось ясный
величье благодати Твоей,
Своимъ орудьемъ избиралъ
Ты часто тѣхъ, кто нищъ и малъ.

Кто былъ Твой избранный народъ? —
То былъ евреевъ жалкій родъ:
Ты ихъ отличилъ отъ другихъ
и стражемъ правды сдѣлалъ ихъ.

Кому былъ вѣдомъ Виолесемъ—
и что жъ? Онъ избранъ былъ затѣмъ,
чтобъ счастье высшее имѣть:
Христа рожденье лицезрѣть!

О, Боже праведный! Яви
намъ благодать Твоей любви!
Мы не желаемъ громкихъ дѣлъ,
для насъ хорошъ и нашъ удѣлъ.

Но мы хотимъ, чтобъ край родной
всегда Твоимъ лишь былъ слугой,
чтобъ онъ дѣла Твои творилъ
и просвѣщенію служилъ.

Пр. Б.

III.

В е ч е р ь.

Спѣши къ намъ, тихій вечеръ,
и приноси съ собой
работамъ—окончанье,
трудящимся—покой.

Пусть отражаютъ волны
бурливаго труда
зеленый, мирный островъ
спокойно, какъ всегда.

Душа моя походить
на этотъ бурный прудъ,
тревоги дня ей также
покоя не даютъ.

Когда же вечеръ тихій
на землю спизойдетъ,
тогда и образъ милый
въ душѣ моей встанетъ.

Пр. Б.

IV.

Утро любви.

Надежды свѣтъ погасъ въ моей душѣ, —
какъ въ полночь, въ ней темно и мрачно
было,
въ отчаяньѣ въ груди застыло сердце.

Взглянулъ я на тебя—ты покраснѣла! —
То занялась любви моей заря!
И вновь въ душѣ надежда пробудилась.

И яркій лучъ блеснулъ въ твоихъ глазахъ!—
То первый лучъ любви моей пробился,
и мракъ исчезъ изъ сердца моего.

Ты лишь одно словечко мнѣ сказала—
и встало солнце пламенной любви!
И вмигъ растаялъ ледъ въ застывшемъ
сердцѣ.

Пр. Б.

Дѣвушка и юноша.

Дѣвушка.

О, юноша дерзкій, похитилъ
ты сердце изъ груди молодой,
тебя не пушу я на волю,
и будешь навѣки ты мой.

Похитилъ ты кладъ драгоцѣнный,
сокровище отнялъ мое,
зато я возьму твою душу
и тѣло возьму я твое.

Сожму тебя цѣпью златою,
оковы изъ злата скую,
и крѣпко сожму я рукою
лилейную шею твою!

Ворамъ остальнымъ для питанья
дается и хлѣбъ, и вода;
жестоко твое наказанье:—
тебѣ—поцѣлуй всегда!..

Юноша.

Мое наказанье жестоко,—
навѣки я буду рабомъ,—
и даже душа моя будетъ
томиться подъ тяжкимъ ярмомъ!

Въ плѣну и въ безжалостной долѣ
такъ крѣпко я скованъ тобой,
что жажду остаться въ неволѣ
рабомъ до доски гробовой!...

Л. Уманецъ.

VI.

Пустота.

И дома,—все, какъ будто, по старому кру-
гомъ,

и все уже не то, что раньше было!

Цвѣты цвѣтутъ, какъ прежде, въ порядкѣ
прежнемъ домъ,

но какъ теперь все выглядить уныло!

Брожу я съ думой горькой: гдѣ дѣлась та
рука,

которая донинѣ была мнѣ такъ близка,
которая уютнымъ все дѣлала вокругъ?

Безъ преданной подруги какъ грустно стало
вдругъ!

Какъ пусто, пусто!

Опять играют дѣти, болтая, какъ всегда:
бѣдняжки ничего не понимаютъ.

Они поютъ, смѣются, и слезы иногда
отъ огорченій дѣтскихъ проливаютъ.

Брожу я съ думой горькой: гдѣ материнскій
взоръ,
хранившій неустанно дѣтей до этихъ поръ?
Гдѣ любящее сердце? Гдѣ мать моихъ дѣтей
которая умѣла спасти ихъ отъ скорбей?
Какъ пусто, пусто!

Сажу я въ кабинетъ, въ обычный часъ
труда:
у тѣхъ, кто живъ, всегда найдется дѣло!
И сердце бьется ровно, спокойно, какъ всегда
хоть нѣтъ ея, оно осталось цѣло!
Но гдѣ же та, которой на радость былъ мой
трудъ?
чья мнѣ нужна поддержка, чей былъ мнѣ
дорогъ судъ?
Ея здѣсь нѣтъ на стулѣ, нѣтъ на диванѣ
томъ...
И въ сердцѣ одинокомъ, и въ комнатѣ кру-
гомъ
такъ пусто, пусто!

Пр. Б.

Олафъ Вуориненъ.

П е й!

Пошлетъ ли Богъ намъ урожай —
на винокурню продавай

дары земли твоей:

ихъ превращаютъ тамъ въ котлѣ
въ источникъ счастья на землѣ,
а ты, пріятель, пей!

Морозъ ли, градъ ли хлѣбъ побьетъ,
и встрѣтимъ мы голодный годъ,

дѣтей ты не жалѣй:

пускай ихъ плачутъ—вотъ пустякъ!
Ты уходи отъ нихъ въ кабакъ
и пей себѣ, да пей!

Къ чему сосна, береза, дубъ,
къ чему весь лѣсъ тебѣ? На срубъ

продай его скорѣй,

вѣдь деньги есть куда дѣвать:
ты ихъ на чарочки потрати
и пей себѣ, да пей!

Когда покажется тебѣ,
что съ каждымъ днемъ въ твоей избѣ
становится грустнѣй —
иди въ любимый свой трактиръ:
ты тамъ отыщешь новый міръ,
и пей себѣ, да пей!

И если весь твой край родной
вино грозитъ залить собой
и погубить людей,
себя ты подвигомъ прославь:
въ потокъ вина бросайся вплавь
и пей себѣ, да пей!

Пр. Б.

Павелъ Каяндеръ.

I.

Портретъ.

Виситъ на стѣнѣ предо мною портретъ,
виситъ уже съ давнихъ онъ лѣтъ.
Онъ простъ и невзраченъ, но что жъ изъ
того!

Люблю я смотрѣть на него.

Не знаю, что можетъ меня въ немъ прель-
щать:

волосъ ли сѣдѣющихъ прядь,
морщинки ль—наслѣдье житейскихъ скорбей,
иль кроткое пламя очей?

Рѣшить не могу я; но близость его
такъ грѣетъ мое существо, —
душѣ, утомленной житейской борьбой,
дастъ онъ небесный покой.

По цѣлымъ часамъ, имъ любясь безъ словъ,
смотрѣть на него я готовъ,
какъ юный женихъ, не сводящій очей
съ портрета невесты своей.

И мало-по-малу встають предо мной
картины поры прожитой,
и память о ней и сладка, и горька,
когда меня гложетъ тоска.

Мнѣ грезятся дѣтства счастливые дни,—
навѣки умчались они!—
мнѣ грезится елка и свѣчи на ней
и милыя лица друзей.

И вотъ ужъ мнѣ кажется: ожилъ портретъ
и ласковый плетъ мнѣ привѣтъ,
душѣ, утомленной житейской борьбой,
даетъ онъ небесный покой.

И вотъ въ чемъ причина, что близость его
такъ грѣетъ мое существо.
Но чей же то образъ?—Не трудно узнать:
тотъ образъ—родимая мать.

И. Новичъ

II.

Освобожденная королева.

Старинный, заброшенный замокъ
стоялъ на вершинѣ унылой;
угрюмъ, молчаливъ и безжизненъ,
смотрѣлъ онъ безмолвной могилой:

закрыты желѣзныя двери,
огня не увидишь въ окнѣ,
лишь тѣнь часового порою
видна на зубчатой стѣнѣ.

Однако, въ безмолвномъ затишьи
задумчивой ночи, бывало,
что тихое, нѣжное пѣнье
съ вершины горы долетало;
«То—пѣсню постъ королева!»
молва по долинѣ идетъ,
откуда жъ взялась она въ замкѣ,
отвѣта никто не дастъ.

По слухамъ, она знаменитой
была королевой когда-то,
извѣстна была красотою,
свободна, сильна и богата;
и вдругъ ее кто-то похитилъ,
и нѣтъ ея въ мірѣ съ тѣхъ поръ...
Владѣлецъ угрюмага замка
упряталъ ее подъ запоръ.

И только ночью порою,
когда часовой засыпаетъ,
свободнѣй вздохнетъ королева
и пѣсню въ тоскѣ запѣваетъ;

поетъ о потерѣ свободы
и прежней своей красоты
и въ пѣснѣ своей изливаетъ
надежды свои и мечты.

Однажды, приблизившись къ замку,
услышалъ прохожій то пѣнье;
узнавши знакомые звуки,
пришелъ онъ въ большое волненье:
въ груди его вспыхнуло пламя,
и онъ, не владѣя собой,
тѣ пѣсни родному народу
запѣлъ, возвратившись домой.

И словно весны дуновенье
промчалось средь края родного:
казалось, старикъ Вейнемейненъ
играетъ на кантеле снова,
и звуковъ, неслыханныхъ раньше,
разсыпалась въ міръ волна;
въ нихъ слышны завѣтные чувства,
надежда и доблесть слышна.

Кто можетъ къ нимъ быть равнодушнѣе?
кого не охватить волненье?
кто мечъ свой не точитъ при этомъ?
кто страстно не рвется въ сраженье?

Но все еще въ замкѣ печально
поеть королева и ждетъ,
когда же придетъ избавитель?
Быть можетъ, совсѣмъ не придетъ?...

Придетъ онъ, придетъ онъ, не бойся!
Онъ къ замку спѣшитъ ужъ полями,
на рыцарскомъ шлемѣ то солнце,
то мѣсяцъ играютъ лучами;
«Спасти надо мать-королеву!»
какъ громъ его голосъ звучитъ:
«за мною! Кто хочетъ за мною?»
онъ смѣло народу кричитъ.

«Останься! Напрасны усилья!»
Но онъ только шагъ ускоряетъ.
«Ты собственной гибели хочешь!»
Но онъ ужъ вдали исчезаетъ.
И вотъ онъ ужъ на гору всходитъ,
вотъ къ замку приблизился онъ,
вотъ сильно на дверь налегаетъ,
какъ цѣлое войско сплеть.

И вотъ подаются ворота,
открылась нѣмая могила;
шатается стража, какъ сосны,
что сильною бурей свалило:

ломаются крѣпкіе сучья
за ними свалился и стволъ...
По грудѣ наваленныхъ сучьевъ
герой словно по мосту шель.

«Свободна ты, мать-королева!
Иди, наступило спасенье!
Тепломъ и сіяніемъ солнца
замѣнишь ты ночь заключенья.
Опять заблестятъ твои очи,
румянецъ зажжется опять,
и горе тому, кто посмѣетъ
отыниѣ хоть волосъ твой взять!»

И, за руку взявъ королеву,
изъ замка выходитъ онъ съ нею;
народъ, весь охваченъ восторгомъ,
бѣжитъ за царицей своею;
но, кажется, нѣжное пѣнье
опять раздастся?—О, да!
Но только то—пѣснь пробужденья,
а ночь отошла навсегда!

И снова сидитъ королева
на тронѣ, какъ утро прелестна,
и вновь она цѣлому свѣту
своей красотою извѣстна.

А замокъ на горной вершинѣ
ветшаетъ, и близокъ ужъ срокъ:
съ землею онъ сравняется скоро
и весь обратится въ песокъ.

Пр. Б.

Арвидъ Яннестъ.

Къ моей женѣ.

Я глубоко за то благодаренъ судьбѣ,
благодаренъ Всевышнему Богу,
что тебя мнѣ послалъ Онъ въ житейской
борьбѣ;

я глубоко за то благодаренъ тебѣ,
что мою избрала ты дорогу!

Представляла ты мнѣ идеаль чистоты,
моей первой была и единственной ты.

Шлю привѣтъ свой тебѣ!

Незамѣтно ужъ двадцать исполнилось лѣтъ
съ той поры, какъ моею ты стала;
ты дѣлила со мной дни веселья и бѣдъ,
ты была—мою жизнь озаряющій свѣтъ
и, какъ ангель, мой сонъ охраняла.

Всѣ работы мои ты дѣлила со мной,
и помощницей мнѣ ты была, и женой.

Я томлюсь по тебѣ!

Взялъ Всевышній къ Себѣ нашихъ первыхъ
дѣтей,
изъ тронхъ лишь одно намъ осталось,

насъ связало оно еще ближе, тѣснѣй,
въ этомъ дарѣ твоёмъ, подъ конецъ моихъ
дней,
все богатство мое заключалось.

Ты—дѣтей моихъ мать, и за это тебя
еще больше цѣнилъ и берегъ я, любя.
Я молюсь о тебѣ!

Если встрѣтиться вновь суждено мнѣ съ
тобой
и въ объятяхъ твоихъ очутиться,
расцѣлюю я страстно твой взоръ дорогой,
и поймешь ты тогда, что тобой лишь одной
можетъ сердце въ груди моей биться:
ты царица моя, ты мнѣ другъ и жена,
моимъ счастьемъ быть можешь ты лишь одна,
я стремлюсь лишь къ тебѣ!

Пр. Б.

Іоаннъ Эрко.

I.

Пѣсни пастуха.

4.

Счастливъ и я былъ, и птичка долины
пѣсни небесныя пѣла и мнѣ.

Дни были теплы, и тихи, и длинны,
вѣтеръ нашептывалъ рѣчи волнѣ,
рощи цвѣли, небеса улыбались,
сосны любили, цвѣты цѣловались;
самъ же я птичку долины любилъ.

Милое время, пора золотая!
Птичку любилъ я, о ней я вздыхалъ;
рощи и нивы любили, мечтая,
міръ весь окрестный любовью дышалъ...
Только не долги вы, дни наслажденья!
Счастье земное—лишь мигъ сновидѣнья...
Гордый орелъ мою птичку отбилъ...

Пр. Б.

Яркимъ безоблачнымъ днемъ
ласточка къ небу взлетаетъ,
если же тучи кругомъ—
землю крыломъ задѣваетъ.
Такъ и надежды людей:
къ небу взлетаютъ порою,
въ дни же невзгодъ и скорбей
рѣютъ надъ самой землею.

И. Новичъ.

Споткнувшись, всякій разъ
я хмурымъ становился,
но разъ мнѣ повезло:
упавъ, я очутился
на дѣвичьей груди—
и взоръ мой прояснился!

Гдѣ цвѣточекъ,
тамъ и лѣто,
гдѣ звѣзда есть,
тамъ и небо,
гдѣ любовь есть,
тамъ и счастье!

37.

Цвѣтокъ уснулъ,
не спитъ еще красotka;
хоръ птицъ уснулъ,
постъ еще красotka;
женихъ уснулъ,
заснула и красotka.

Пр. Б.

II.

Недовольные.

Капля.

Зачѣмъ я лишь каплей
на свѣтъ родилась?
Зачѣмъ не рѣка я?
И къ озеру быстро
тогда бы неслась!

Рѣка.

Зачѣмъ создана я
ничтожной рѣкой?
Зачѣмъ не несусь я
изъ озера къ морю
бурливой волной?

О з е р о.

Зачѣмъ суждено мнѣ
лишь озеромъ быть?
Зачѣмъ не могу я
огромныя волны,
какъ море, катить?

М о р е.

Зачѣмъ такъ тревожно
о скалы я бьюсь?
Зачѣмъ я не тучкой,
не облакомъ легкимъ
по небу ношусь?

Пр. Б.

III.

Молодой гость.

«Мой гость не ѣстъ, не кушаетъ!»
хозяйка говоритъ.
Еще бы! Противъ дочери
онъ за столомъ сидитъ,
а дѣтки-то и нѣтъ какъ нѣтъ!
По дочкѣ онъ груститъ.

Хозяйка свадьбу празднуетъ,
народу полонъ домъ,
и прежній гость не брезгаетъ,
какъ прежде, за столомъ...
Еще бы! Онъ вѣдь съ дочкою
сидитъ теперь рядкомъ!

Пр. Б.

IV.

Два жениха.

Мотылекъ и шмель весною свататься летѣли,
ихъ любви звѣзда манила; вѣтеръ несъ ихъ
къ цѣли,
несъ ихъ надъ лугами
съ яркими цвѣтами.

На цвѣтокъ пушицы нѣжной мотылекъ
спустился,
а шмелю—душистый клеверъ рядомъ
полюбился.

Тутъ они остались,
тутъ и повѣнчались.

Но не долго жили вмѣстѣ обѣ пары: къ лѣту
мотылекъ рѣшилъ съ подругой полетать по
свѣту;
съ вѣтромъ въ путь пустился
и не возвратился.

Шмель же дома жилъ, въ дорогу не манилъ
подругу,
занимался съ ней хозяйствомъ, да леталъ по
лугу;
осенью унылой
лугъ имъ сталъ могилой.

Пр. Б.

Карлъ Крамсу.

1.

Надъ водопадомъ.

Въ раздумьѣ стоялъ я вечерней порой
одинъ на краю водопада.

Кипящія волны неслись подо мной,
какъ смѣлое, буйное стадо.

Могучь были ихъ голосъ—такъ могъ бы
одинъ только голосъ свободы!
звучать

И вотъ что, казалось, хотѣли сказать
мнѣ бодрыя, шумныя воды:

«Ломаю преграды, несемъя впередъ
мы, царства подводнаго дѣти:
мы знаемъ, что тотъ, кто оковы порветъ,
предъ рокомъ не будетъ въ отвѣтъ.

«И какъ бы, о люди, вамъ рокъ ни грозилъ,
вы также бы счастья добились,
когда бы, въ сознаніи собственныхъ силъ,
порвать всѣ оковы рѣшились».

Пр. Б.

II.

Илькка.

Быль Илькка родомъ изъ крестьянъ —

и все-таки при жизни

по благородству не имѣль

онъ равнаго въ отчизнѣ.

Была тревожная нора,

когда онъ въ міръ родился,

но для борьбы, для этихъ бурь

какъ разъ онъ и годился.

Впервые поняль край родной,

что значить озлобленье,

въ тѣ дни, какъ Клаусъ Флемингъ въ немъ

держалъ бразды правленья.

Вздыхали многіе о томъ,

что правосудье пало;

казалось, Илькку одного

ничто не задѣвало.

Внимая жалобамъ крестьянъ,

онъ отвѣчалъ словами:

«Вы горе будете нести —

пока хотите сами!

Кто дальше жалобъ не идетъ,

рабомъ лишь остается,

но кто вступилъ за себя,

тотъ правъ своихъ добьется.

Мужчина созданъ для борьбы
на жизнь и смерть... Повѣрьте:
дорога къ счастью всегда
близка къ дорогѣ смерти!»
Быстрѣ пущенной стрѣлы,
слова его летѣли
во всѣ концы родной страны,
и финны зашумѣли.
Распространился далеко
пожаръ войны кровавой,
и имя Илькки навсегда
она покрыла славой.
Для угнетателей пришла
пора жестокой мести,
и лишь коварствомъ Илькку взять
могли на полѣ чести.
Не всякій славою одной
за подвиги утѣшенъ:
иныхъ и висѣлица ждетъ!
И Илькка былъ повѣшенъ.
Но будутъ памяты всегда
слова его народу:
«Ужъ лучше кончить жизнь въ петлѣ,
чѣмъ потерять свободу!»

Пр. Б.

Іосифъ Мустакалліо.

I.

Ласточкѣ.

Когда зима холодная
нашъ край бросаетъ въ дрожь,
тогда веселыхъ пѣсенокъ
ты, птичка, не поешь:

прикрывъ головку крылышкомъ,
на Нильскихъ берегахъ
мечтаешь ты, и Суоми
встаетъ въ твоихъ мечтахъ.

Пр. Б.

II.

Одинъ ночью.

Когда ночной порою
ложится надъ землею
покровъ отрадный сна,
боль сердца не стихаетъ:
ся не унимаетъ
ночная тишина.

Въ душѣ огонь и холодъ,
тоска, какъ тяжкій молотъ,
гнететъ и давитъ грудь.
Что мнѣ все мірозданье?
отъ жгучаго страданья
я не могу вздохнуть!

Ни дня мнѣ нѣтъ, ни ночи:
заняться чѣмъ—нѣтъ мочи,
и не приходитъ сонъ.
Коль нѣтъ со мною милой,
то я, какъ за могилой,
всего, всего лишень!

Пр. Б.

Казиміръ Лейно.

I.

Честный человекъ.

Когда все ѣшь, чѣмъ угостять,
все исполняешь, что велятъ,
ты—честный человекъ.

Когда ты церковь признаешь
и мыслямъ воли не даешь,
ты—честный человекъ.

Когда ты вѣренъ старинѣ,
родному дому и странѣ,
ты—честный человекъ.

Когда ты власти чтить готовъ,
какъ люди чтятъ своихъ боговъ,
ты—честный человекъ.

Когда, храня чужой покой,
таншь ты образъ мыслей свой,
ты—честный человекъ.

Когда, чтобъ совѣсть усыпить,
ты глухъ и слѣпъ согласенъ быть,
ты—честный человекъ.

Когда въ защиту правоты
разинуть рта не хочешь ты,
ты—честный человекъ.

Ты гордь собою, какъ герой:
«Служебный долгъ исполнень мной,
я—честный человѣкъ!»

И надъ могилою твоей
напишетъ край родимый: «Въ ней
спитъ честный человѣкъ!»

Онъ не обидѣлъ никого
и жилъ, рабъ долга своего,
какъ честный человѣкъ.

Дорогой вѣрною онъ шелъ
и состоянье приобрѣлъ,
какъ честный человѣкъ».

Пр. Б.

II.

Республика мысли.

Когда, въ миновавшій давно уже вѣкъ,
народами правилъ одинъ человѣкъ,
тогда онъ одинъ былъ всеобщимъ судьей
и грозно царилъ надъ толпой.

И воля тирана (который училъ,
что Божьею милостью власть получилъ)
одна лишь закономъ была для людей,
и всѣ преклонялись предъ ней.

Но вотъ отыскался на свѣтѣ мудрецъ,
воскликнувшій громко: «Пора, наконецъ,
намъ свергнуть злодѣя! Пора ужъ теперь
понять намъ, какой это звѣрь!»

Такъ крикнулъ одинъ—и открылись глаза
у всѣхъ остальныхъ; разразилась гроза:
«И вправду, кто далъ ему право карать?
Какъ смѣетъ онъ насъ угнетать?»

Возстало забитое племя рабовъ —
и палъ повелитель, не стало оковъ.
Народъ теперь самъ управляетъ страной,
нашедшей желанный покой.

Но счастье покоя—совсѣмъ не по мнѣ!
Одинъ повелитель былъ прежде въ странѣ,
отнынѣ же сотни готовы служить,
чтобъ цѣпи на мысль наложить.

И если съ однимъ властелиномъ бѣда,
то во сто разъ хуже такая орда!
Вѣдь, кто бы оковы для насъ ни ковалъ,
тотъ—рабъ, кто въ оковы попалъ!

Къ республикѣ мысли душой я стремлюсь,
за царство ума на землѣ я борюсь:
чтобъ высказать каждый всегда безъ тревогъ
свои убѣжденія могъ!

Пр. Б.

Карлъ Геммо.

Странно.

Все знаетъ и все познаетъ человѣкъ—
и звѣзды, и небо, и мѣсяца бѣгъ.
Орбиту земную, дно моря найдетъ
и тайны природы всѣ знаетъ,
несчастье и счастье—онъ все изучаетъ,
но странно, что рѣдко себя познаетъ.

А. Бекштремъ.

ПОЭТЫ ЭСТЛЯНДІИ.

Фридрихъ Крейцвальдъ.

I.

ДВА ОТРЫВКА ИЗЪ «КАЛЕВИПОЭГЪ».

I.

Напутствіе «Калевипоэгу» при изданіи его въ свѣтъ.

Въ моей головѣ воскресаютъ
картины изъ жизни иной;
жизнь эту теперь называютъ
волшебной сѣдой стариной.

Учитель пѣвцовъ Ванемуине,
пошли ты мнѣ арфу свою!

Подъ звукъ голосовъ ея стройныхъ
я пѣснь про былое спою.

Вы, гласы, проснитесь и спойте
о славѣ минувшихъ годовъ,
въ напѣвахъ своихъ вы откройте
всѣ лучшіе ритмы стиховъ.

О, выйди изъ Эндлы глубокой
ты, дочь великана-пѣвца!

Довольно тебѣ, одинокой,
все кудри чесать безъ конца.

На помощь ко мнѣ поспѣшите
вы, тѣни, изъ древнихъ гробовъ
и, вновь воплотясь, расскажите
о жизни угасшихъ родовъ.

О жизни Калевичей давнихъ
желалъ бы отъ васъ услыхать:
дѣянья мужей этихъ славныхъ
я въ пѣснѣ хочу передать.

**Н. Алексѣевъ.*

2.

Изъ третьей пѣсни.

(Стихи 816—827).

Играютъ волны вѣчно, вѣчно,
и вѣчно кружится вода,
одной красою безконечной
струя воды полна всегда.

И никогда волна не спросить,
не хотѣть знать она, кого
въ своихъ объятіяхъ уносить, —
ей дѣла мало до того.

О нашихъ радостяхъ не знаютъ
ни звѣзды въ небѣ, ни вода,
о нашемъ горѣ не желаютъ
онѣ спросить насъ никогда.

**Н. Алексѣевъ.*

II.

В О Л Ъ.

Что рано утромъ въ сердцѣ трепетало,
когда я юношей прозрѣлъ,
что въ снахъ моихъ такъ радостно мелькало,
когда я ночью тихою дремалъ,
и на зарѣ что пламенемъ пылало, —
какъ звучный зовъ въ ушахъ гремѣлъ,
то былъ ли сонъ, то было ли мечтанье?
Что слышалъ я изъ древняго преданья
о дорогой мнѣ сторонѣ,
что съ неба звѣзднаго мерцанья
мнѣ проявлялось о Творцѣ,
что видѣлъ глазъ изъ гнусной петли рабской
какъ мучился страдалъ народъ —
то громко все взывало объ участѣ,
шептало: солнце вновь взойдетъ.

Нѣмая ночь и ты, подруга—лира,
вамъ думы тайныя всѣ довѣрять;
вы возвѣстите людямъ въ мирный часъ
и скорбь мою, что вамъ я удѣлялъ,
и рои моихъ горячечныхъ надеждъ,
что такъ въ груди кипѣли и рыдали.
Да, воля, воля!—вотъ святое слово!
Тебя давно уста мои вzywали...

Н. Я. П.

III.

РАДОСТЬ И ГОРЕ.

Радость съ горемъ близнецами
на житейскій ниръ приходятъ;
взявшись за руки, межъ нами
неразлучно обѣ бродятъ.
Мать одна ихъ породила,
грудь одна двоихъ вскормила,
колыбель одна вмѣстила.

Кудр.

Лидія Койдула.

I.

Д о м а.

Предъ нашимъ домомъ былъ лужокъ:
заборомъ окружень,
и нашихъ игръ, и нашихъ слезъ
свидѣтелемъ былъ онъ.

Бывало, здѣсь рѣзвимся мы,
не вѣдая заботъ,
пока насъ дѣдъ не позоветъ
и спать не уведетъ.

Какъ онъ, пыталась я порой
взглянуть черезъ заборъ:
«Постой, дай срокъ: и для тебя
откроется просторъ».

Тотъ срокъ насталъ. И лишь теперь
я убѣдилась въ томъ,
что нѣтъ на свѣтѣ ничего
милѣй, чѣмъ отчій домъ.

Кудр.

II.

Весна.

Скорѣй на воздухъ вольный.
въ лѣса, въ поля, на лугъ!
Дышу я грудью полной, —
какъ хорошо вокругъ!
Легко на сердцѣ стало.
Чтобъ пѣсня зазвучала,
воспрянь, воспрянь, мой духъ!

Забудь свои сомнѣнья:
бѣжить отъ солнца мгла;
всѣ тучки лучъ весенній
прогнать прочь съ чела..
Звучи же, пѣснь, и свѣту
повѣдай радость эту:
весна, весна пришла!

Кудр.

III.

Осеннія думы.

Ужъ на берегахъ нѣтъ ихъ листьевъ
изумрудныхъ,
и вѣтеръ яростный бушуетъ на поляхъ.
Кончаются часы дней года лучшихъ, чудныхъ,
и звукъ послѣдній ихъ проносится въ лугахъ.

Скажи миѣ, солнышко, ты вѣрно ужъ устало,
что голову тебѣ такъ трудно приподнять?

И на дѣтей своихъ ты смотришь какъ-то
вяло;
успѣла осень съ нихъ одежду всю сорвать!

Подъ небомъ облака огромными грядami
несутся быстро въ даль, какъ отъ бѣды
какой,
и стаи журавлей кричатъ подъ небесами; —
на родину спѣшать, къ себѣ они домой.

На родину! домой!—ахъ, сладостное слово!
О, сердце, потерпи! твой скоро часть придетъ,
когда предвѣчный Богъ, съ небеснаго
престола,
тебя на родину, на небо позоветъ!
Чайка.

IV.

З а п р я л к о й.

Горько плачу я за прялкой,
и на прялкѣ рвется нить...
Гдѣ-то милый мой, кто знаетъ?
кто мнѣ можетъ сообщить?

Въ три ручья струятся слезы,
но, хоть выплачь я глаза,
на вопросъ мой мнѣ отвѣта
ни одна не дастъ слеза.

Вотъ и тучки—мчатся мимо,
по молчаніе хранятъ...
Ахъ! подняться-бы на небо
и оттуда бросить взглядъ —

на раскинутое море,
на деревни, города, —
то, что сердце мнѣ такъ мучить,
я узнала бы тогда!

Но откуда взять мнѣ крылья?
Вновь на прялкѣ рвется нить...
Милый, любишь ли, какъ прежде?
иль уснѣлъ ужъ разлюбить?...

Кудр.

М и х а и л ъ В е с к е.

Юри и Мари.

Юри къ хатѣ подѣзжаеть;
такъ и пляшетъ конь подъ нимъ.
«Привяжи коня къ забору;
будешъ гостемъ дорогимъ».

— Подожди-ка, тетушка,
пригласить-ли Маша! —

Вышла Мари: царь-дѣвица!
Руку гостю подаеть.
«Дай, коня теперь возьму я,
пусть поѣстъ онъ и попьеть».

— Подожди-ка тетушка,
пусть услужить Маша! —

Входятъ въ горницу и гостя
начинають угощать.

«Извини ужъ ты хозяйку:
я пойду похлопотать!»

— Сдѣлай милость, тетушка,
ты-жъ останься, Маша! —

Мигомъ справилась, а дочка
столъ накрыла той порой.
«Не побрезгай хлѣбомъ-солью,
кушай, гость нашъ дорогой!»
— Буду кушать, тетушка,
если дастъ миѣ Маша! —

Зимній день. И снова Юри
у знакомаго двора...
Ѣли, пили, веселились —
Юри съ Маниею—ура!
— До свиданья, м а т у ш к а!
Санки ждутъ насъ, Маша! —

Кудр.

А до Ирикиви.

Молитвенный чаеъ природы.

Солнце сѣло. Въ воздухѣ спокойно.
Ужъ покрытъ зеленый лугъ росой.
Птичій хоръ поетъ въ лѣсу такъ стройно,
и цвѣты склонились головой.

За волной другая пробѣгаетъ
въ ручейкѣ, и звѣздочки зажглись
въ небѣ синемъ. Службу совершаетъ
Богу міръ. Душа моя, молись!

** Чайка.*

Іоаннъ Кундертъ.

Твои глаза и вселенная.

Гляжу на міръ Божій и въ очи твои я —
постичь и понять не умѣю я ихъ:
мнѣ чудятся всюду глаза голубыя,
а въ нихъ погляжу я—вселенная въ нихъ!

Въ лазури очей твоихъ небо сіяетъ,
и звѣзды въ томъ небѣ горятъ и манятъ...
А въ мѣсяцѣ, звѣздахъ и солнцѣ играетъ
и свѣтится твой, моя милая, взглядъ!

Кудр.

Яковъ Таммъ.

Смерть.

— Мама, мнѣ юноша снился:
сватать хотѣлъ меня онъ... —
«Знай, не къ добру онъ явился:
смертью грозить этотъ сонъ!»

— О, если смерть такъ прекрасна,
такъ хороша для очей —
я-бъ не боялась напрасно:
смѣло пошла бы за ней! —

Кудр.

Густавъ Луйга.

Сиротская доля.

Мать пріютила сырая могила,
водка отца въ кабакъ поселила,
дома шаромъ покати—не зацѣнится,
вотъ какова нищета здѣсь, безхлѣбца!
Пусто,—ни крошки, ни капли въ избѣ...
Горько живетъ, сиротка, тебѣ!..

Къ играмъ и смѣху сиротку не клонить:
холодъ въ кроватку безжалостно гонить,
но и въ кроваткѣ отъ вѣтра не спрячешься,
за ночь отъ холода вдоволь наплачешься:
нечѣмъ укрыться, въ кабакъ все ушло...
Горько, сиротка, тебѣ,—тяжело!..

Темною ночью въ коморкѣ такъ жутко!
«Папа, придешь ли ты?» шепчетъ малютка.
Тщетно дитя по отцѣ убивается:
многое тамъ, въ кабакѣ, забывается,
даже подчасъ и ребенокъ родной...
Горекъ, сиротка, удѣлъ твой земной!

Стоны въ избушкѣ всю ночь не смолкали,
люди не слышали дѣтской печали;
утромъ глядѣть сюда солнышко ясное,
но не нужна уже ласка напрасная:
горькая чаша допита до дна —
сжалилась смерть надъ сироткой одна...

Кудр.

К а л ь ю л а.

П е р в ы й ш а г ъ.

Ребенокъ въ первый разъ ступаетъ,
мать за руку его ведетъ.

Онъ слабъ: силенки не хватаетъ,
но будетъ время—самъ пойдетъ.

Дитя ступаетъ... и, сіяя,
хотя съ тревогою въ очахъ,
за нимъ слѣдить его родная:
«Пришелся-ль въ пору первый шагъ?»

О, если-бъ ровной и прямою
всю жизнь стезя твоя была!
И взоръ съ безмолвною мольбою
родная къ небу подняла.

«Смотри, дитя, чтобъ стало силы,
и не сбивался ты съ пути!
Будь твердъ и стоекъ до могилы,
чтобъ съ честью каждый шагъ пройти!»

Дитя ступаетъ... Мать стремится
на помощь, мыслью занята:
«Богъ вѣсть, съ чьей помощью свершится
послѣдній шагъ твой? Гдѣ? Когда?..»

Кудр.

Примѣчанія.

ПОЭТЫ ФИНЛЯНДИИ.

I. Поэты, писавшіе по-шведски.

Францъ - Михайль Францёнъ (Franzen) ^{9/2} 1772—1847 ^{15/8}, род. въ Улеаборгѣ и былъ профессоромъ въ Або, но послѣ завоєванія Финляндіи русскими оставилъ Финляндію и умеръ въ Швеціи, въ санѣ епископа; былъ членомъ шведской академіи. Лучшія произведенія его музы («Стихотворенія», изданныя въ Або въ 1810 г., за годъ до переселенія въ Швецію) относятся къ періоду жизни его въ родномъ краю; съ переселеніемъ въ Швецію, его муза словно утратила свободный полетъ художественнаго творчества. Впрочемъ, эпосъ (лучшая его поэма «Сванте Стуре») и въ особенности драма, за которыя онъ брался, не были свойственны его таланту. Францёнъ стоитъ на рубежѣ между поэзіею XVIII вѣка, проникнутою духомъ французскаго классицизма, и національно-ро-

мантической шведскою поэзію Тегнера, Гейера и др. Главное его значеніе въ лирикѣ. Его лирика дѣтски-наивна и проникнута неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ; Богъ и родина внушали ему его чистыя пѣсни, принимавшія подчасъ и болѣе возвышенный и смѣлый тонъ. Наиболѣе удачны у него пѣсни и идилліи (наивно прелестны его «Очерки дѣтскаго міра», «Пѣсни Сельмы», «Мотивы обыденной жизни» и пр.).—Переводы В. Головина взяты изъ «С.-Петербург. Вѣдом.». 1875 г. № 309 и «Нивы» 1888 г. № 49.

Іоаннъ-Людвигъ Рунебергъ (Runeberg) ^{5/2} 1804 — 77 ^{6/8}, составляетъ, наряду съ Тегнеромъ, украшеніе шведской литературы и еще болѣе популяренъ въ Финляндіи. Въ противоположность Тегнеру, онъ простъ, наивенъ и простонароденъ, отличается ясностью и чистотою формы и мыслей; Тегнеръ вызываетъ удивленіе, Рунебергъ задушевными звуками проникаетъ въ сердце. Рунебергъ былъ сыномъ капитана купческаго корабля и родился въ Якобштадтѣ. Еще дома онъ полюбилъ и научился понимать природу; не зная финскаго языка, онъ проникъ въ духовную жизнь финскаго народа. Первые вос

поминая его относятся къ русско-шведской войнѣ 1808—9 гг. и сосредотачиваются на шведскомъ генералѣ Дёбелнѣ и русскомъ—И. П. Кульневѣ. Учасъ, Рунебергъ долженъ былъ и зарабатывать себѣ хлѣбъ; поступивъ въ 1822 г. въ университетъ въ Або (переведенный послѣ пожара въ Гельсингфорсъ), онъ окончилъ его лишь въ 1827 г. Въ 1831 г. онъ получилъ степень доцента. Съ 1837 г. онъ былъ учителемъ въ Борго (съ 1844 г. профессоромъ); въ 1838 г. принялъ духовный санъ; въ 1857 г. оставилъ службу, чтобы отдаться поэзіи, но въ 1863 г. былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ и послѣ того 13 лѣтъ провелъ въ постели. Въ 1830 г. вышелъ первый томъ его стихотвореній. Въ первыхъ стихотвореніяхъ его слышны отголоски Францёна, Стагнеліуса (элегическія «Ночи ревности», 1828 г.), Белльмана, Тегнёра и античной поэзіи, но уже въ «Идилліяхъ и эпиграммахъ» (1830—33 гг.) онъ сталъ вполне на народную почву. Написаны онѣ подъ вліяніемъ «Сербскихъ народныхъ пѣсенъ» (женскихъ), которыя такъ близки по содержанію къ финскимъ, и переводъ которыхъ (съ нѣмецкаго) былъ изданъ Рунебергомъ въ 1833 г.; отсюда взяты размѣръ и отсутствіе рима.

(только изрѣдка слышно созвучіе конечныхъ гласныхъ). Здѣсь Рунебергъ показалъ, что истинное чувство можетъ обходиться безъ риторическихъ прикрасъ. «Псалмы» Рунеберга (1857 г.), написанные для финляндскаго молитвенника, не были приняты церковью: форма ихъ слишкомъ художественна, а догматическая сторона недостаточна строга. Изъ эпическихъ произведеній его «Охотники за лосьми» (1832), какъ въ зеркалѣ, отражаютъ быть Финляндіи; въ Швеціи же наибольшій успѣхъ имѣла его идиллія «Ганна» (1836). Но наибольшую популярность доставили Рунебергу «Разказы прапорщика Столя» (2 ч. 1848—60), переведенные и на финскій языкъ; многіе изъ нихъ положены на музыку, а вступительное стихотвореніе «Нашъ край», съ музыкою Паціуса, стало національнымъ гимномъ Финляндіи. Эти разказы написаны красивымъ, сильнымъ и безукоризненнымъ стихомъ и полны неподдѣльнаго юмора и пафоса; въ первой части изложеніе болѣе выдержано, во второй—болѣе драматично. Содержаніе ихъ взято изъ войны 1808—9 гг.; въ нихъ поэтъ описываетъ, какъ бьются и умираютъ за родину богатыя и нищіе, геніальныя и недалекія дѣти родины. Что сообщаетъ

имъ такой благородный, чуждый партійности духъ, это—уваженіе, которое поэтъ оказываетъ даже врагу. Прочія эпическія произведенія Рунеберга слѣдующія: «Святочный вечеръ» (1841), «Надежда» (1841, съ сюжетомъ изъ русскаго быта), «Король Фьяларъ» (1844, самое крупное по размѣрамъ произведеніе, въ духѣ Оссіана; переводъ Д. Садовникова въ «Огонькѣ» 1881 г.), «Мелкіе рассказы» («Могилы въ Перрхо» 1831, «Цыганъ», «Вечеръ на Рождество» и «Женни», изд. въ 1854 г.) и «Легенды». Кромѣ того, Рунебергъ написалъ удачную классическую трагедію «Цари Саламинскіе» (1863), комедію «Не могу» (1862) и нѣсколько рассказовъ и очерковъ въ прозѣ. Рунебергъ сталъ національнымъ поэтомъ Финляндіи, хотя и писалъ по-шведски.—По-русски его особенно популяризировали Я. К. Гротъ (см. 1-ый томъ его «Трудовъ» 1898) и В. И. Головинъ (полный переводъ «Идиллій и эпиграммъ» помѣщенъ имъ въ «Модномъ Магази́нѣ» 1862 г. №№ 10, 14 и 20); остальные переводы взяты нами: В. Авенаріуса—изъ «Изъящн. Лит.» 1885 г. № 1, А. Ганзенъ—изъ книги Нюрона: «О поцѣлующъхъ» (Спб. 1898), В. Головина—изъ «Сѣв. Пчелы» 1861 г. № 290 и «Исторіи всемірной литературы» В. Зотова

(т. IV. 1882), Н. Новича—изъ «Новаго Слова» 1895 г. № 3—4 и «Нетерб. Жизни» 1896 г. №№ 172 и 174 и Неизвѣстнаго—изъ «Литер. прилож. Нивы» 1898 г. № 4.

Ларсъ (Лаврентій) Яковъ Стенбэкъ (Stenbäck) ²⁸/₁₀ 1811—70 ²¹/₄, род. въ Вазаской губ.; въ университетѣ увлекался древне-классическою и германскою литературою (на него оказали вліяніе Рюккертъ и Уландъ); былъ магистромъ философіи, потомъ лиценціатомъ богословія, профессоромъ педагогики и дидактики въ Гельсингфорсѣ. Издавъ въ 1840 г. томъ стихотвореній, онъ болѣе уже не писалъ стиховъ (только въ 1866 г. издалъ переложеніе псалмовъ), сталъ склоняться къ религіозному настроенію и въ 1855 г. сдѣлался пасторомъ. Стенбэкъ представляетъ рѣзкую противоположность съ Рунебергомъ: его настроеніе серьезно, страстно и нерѣдко озлобленно; лишь природою подчасъ онъ наслаждался беззавѣтно. Его стихотворенія красивы по формѣ и отличаются глубиною чувства и мысли; содержанія большею частью патріотическаго и религіознаго.

Эмиль фонъ-Квантенъ (Quanten) род. ²²/₈ 1827 въ Бьёрнеборгѣ, учился въ финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ и потомъ въ университетѣ. Первые стихотворенія свои из-

далъ въ 1851 г. (2-ое издавіе въ 1859 г., полное собраніе въ 1880 г.). Послѣ того онъ предпринялъ путешествіе въ тропики, по совѣту врачей, а вернувшись оттуда, поселился въ Швеціи, былъ членомъ сейма и съ 1864 по 1872 г. придворнымъ библіотекаремъ короля Карла XV. Принималъ участіе въ газетахъ и самъ четыре года издавалъ газету. Въ 1855 г. издалъ подъ вседонимомъ Särkilax брошюру: «Финноманія и скандинавизмъ», въ которой требовалъ отдѣленія Финляндіи отъ Россіи и образованія сѣверныхъ соединенныхъ штатовъ; это сдѣлало для него возвратъ въ Россію невозможнымъ. Какъ поэтъ, отличается изяществомъ формы и изысканнымъ, элегическимъ настроеніемъ, но не производитъ сильнаго впечатлѣнія. Его «Пѣсни Суоми» (переводъ В. Головина, съ нотами, напечатанъ въ «Сѣверномъ Сіяніи» 1864 г.), положенная на музыку Пацјусомъ, стала народною. — Другой переводъ взять нами изъ «Новостей» 1887 г. № 38.

Захарія Топеліусъ (Topelius) ¹⁴/₁ 1818—98 ¹³/₃ (нов. стиля), сынъ врача, важнѣйшій послѣ Рунеберга поэтъ Финляндіи. Учился въ Улеаборгѣ, готовился въ университетъ въ домѣ Рунеберга. Съ 1833 г. въ университетѣ изучалъ сначала

естественныя науки, потомъ исторію. Съ 1842—61 г. былъ публицистомъ; въ 1851 г. получилъ мѣсто профессора исторіи въ Гельсингфорсѣ, съ 1875 г. былъ ректоромъ университета, съ 1878 г. въ отставкѣ. Писалъ съ уснѣхомъ почти во всѣхъ родахъ литературы; ото всѣхъ его произведеній вѣсть кроткимъ, мирнымъ духомъ, при полномъ совершенствѣ формы. Какъ лирикъ, нѣсколько напоминаетъ Францена. Первые его стихотворенія («Цвѣты вереска» 1845—50, «Пѣсни Сильвіи» 1853—55) отличаются лирическимъ характеромъ, послѣднія («Новыя листья» 1870, «Верескъ» 1889) склоняются къ символизму и аллегоріи. Языкъ вполне художественный, сначала сильно подражательный (вліяніе Рунеберга, Альмквиста), потомъ же выработался гибкій, благозвучный и изящный стиль. Талантъ нѣжнаго, элегическаго характера, отличающійся женственною нѣжностью. Главный предметъ стихотвореній Тонелюса—родина, ея судьбы, ея природа, и религія. «Цвѣты вереска» имѣются во всякомъ образованномъ семействѣ, но еще популярнѣе его «Записки фельдшера», пользующіяся и европейскою извѣстностью, *chef-d'œuvre* Тонелюса и украшеніе всей шведской литературы. Въ нихъ поэтъ даетъ циклъ рассказовъ, пред-

ставляющихъ въ общемъ увлекательную хроникѣ Швеціи и Финляндіи въ XVII и XVIII вѣкахъ. Первые драматическія произведенія были написаны Тонеліусомъ на случай, но успѣхъ ихъ побудилъ его продолжать писать ихъ; изъ нихъ драма «Регина фонъ Эммерницъ», по драматичности содержанія, стала репертуарною пьесой, но вообще талантъ его не драматическій. Научныя изслѣдованія его не глубоки, но основательны. Очень удачны составленные Тонеліусомъ учебники: «Книга природы» и «Книга объ отчизнѣ». Наконецъ, его сочиненія для дѣтей также чрезвычайно популярны. Имъ изданы 4 выпуска «Сказокъ» и 7 томовъ «Чтенія для дѣтей» (повѣсти, рассказы и драматическія произведенія). — Переводы В. Головина взяты изъ «Ист. всемір. лит.» В. Зотова, а Н. Новича—изъ «Литер. прилож. Нивы» 1898 г. № 6.

Іосифъ Юлій Вексёлль (Wecksell), род. ¹⁹/₃ 1838 г. въ Або; въ 1858 г. поступилъ въ университетъ; еще студентомъ, въ 1860 г., издалъ томъ стихотвореній, напоминающихъ Франца и особенно Тонеліуса, но обнаруживавшихъ задатки совершенно своеобразнаго таланта; въ нихъ, наряду съ нѣжными звуками, встрѣчаются и проявленія дикой

страстности, какъ у Стенбэка, и зарождающагося скептицизма и байронизма; подчасъ встрѣчаются рискованныя метафоры и злоупотребленіе символами. Внутренній разладъ довель поэта въ 1862 г. до неизлѣчимаго помѣшательства, и онъ, полубольной уже, присутствовалъ при триумфѣ своей національной трагедіи «Даніэль Юртъ» (Daniel Hjort, рус. перев. въ «Рус. Богат.» 1883 г. № 5—6), героемъ которой онъ взялъ извѣстнаго Клауса Флеминга. Это—одна изъ лучшихъ историческихъ драмъ всей шведской литературы, несмотря на прорывающійся въ ней лиризмъ.

Карль Августъ Тавастшерна (Tavaststjerna), 1860—98 ⁸/₃, былъ архитекторомъ; наиболѣе разносторонній изъ натуралистовъ. Въ драмахъ его типы недостаточно обрисованы. Романы и повѣсти отличаются блестящими описаніями; изъ нихъ наиболѣе удачны мелкіе очерки и рассказы. Его сила всецѣло заключается въ его лирикѣ. Онъ издалъ четыре сборника стихотвореній: «Съ утреннимъ вѣтеркомъ» (1883), «Новыя стихотворенія», «Стихи въ ожиданіи» и «Увѣчанный» (Laureatus); изъ нихъ наиболѣе удачны первый и послѣдній. Его стихи обнаруживаютъ замѣчательное умѣнье владѣть языкомъ новѣйшихъ поэти-

ческих образовъ. Содержаніемъ ихъ служить его личныя впечатлѣнія, для которыхъ онъ находитъ нѣжныя тоны и краски.—Переводъ Н. Новича взятъ изъ «Нивы» 1898 г. № 20.

Михаилъ Любекъ (Lybeck), род. въ 1864 г. Писалъ повѣсти, очерки и стихотворенія. Изящный, но аффектированный лирикъ.

II. Поэты, писавшіе по-фински.

Августъ Энгельбрехтъ Альтвистъ (Ahlqvist), извѣстный какъ поэтъ подъ псевдонимомъ Оксаненъ (Oksanen), 7/8 1826—89 ²⁰/11, былъ родомъ изъ Саволакса (онъ родился въ Куо-пио) и происходилъ изъ народа; изучалъ философію и филологію въ Гельсингфорсѣ и поставилъ себѣ цѣлью изслѣдованіе финскихъ языковъ и возведеніе родного языка на степень литературнаго. Для этого онъ основалъ въ 1847 г. журналъ, въ которомъ печаталъ на финскомъ языкѣ стихи, издавалъ учебники, издалъ финскую хрестоматію, сборникъ финскихъ пословицъ, финскую метрику и былъ творцомъ финской лирики, въ которую ввелъ современные размѣры. Много путешествовалъ, изучая финно-угорскіе языки, и написалъ мно-

го цѣнныхъ ученыхъ сочиненій по языку и литературѣ финновъ; въ 1862 г. онъ былъ назначенъ профессоромъ финскихъ языковъ въ Гельсингфорсѣ. Издалъ 2 тома стихотвореній, подъ заглавіемъ «Искры» («Sakenia», 1860—68), заключающихъ въ себѣ не болѣе 100 пѣсень, болѣе всего напоминающихъ Стенбэка. Его стихотворенія написаны хорошимъ, благозвучнымъ языкомъ и очень популярны («Пѣсня саволаксса», съ музыкою Коллана, стала патріотическою народною пѣснью), хотя не отличаются особенною яркостью; они полны чувства, большею частью грустнаго, но въ нихъ подчасъ звучатъ и сильныя ноты, особенно въ патріотическихъ пѣсняхъ, на которыхъ замѣтно вліяніе народной лирики и Рунсберга.—Переводъ И. Новича (было бы точнѣе озаглавить его «Невѣсты рулевого на порогахъ») взятъ изъ «Жизни» 1898 г. № 6.

Юлій Леопольдъ Фридрихъ Кронъ (Krohn), извѣстный подъ псевдонимомъ Суоніо (Suonio) ^{10/5} 1835—88 ^{28/8}, родомъ изъ нѣмецкой купеческой семьи, увлекся идеею поднятія финскаго языка, который сталъ ему роднымъ. Занимался въ университетѣ сначала химіею, а затѣмъ, подъ вліяніемъ Лёнирота, финскимъ языкомъ и литературою. Съ 1862 г. былъ до-

центомъ, съ 1885 г. профессоромъ родного языка и литературы; былъ авторомъ цѣнныхъ изслѣдованій (о «Калевалѣ» и пр.), переводилъ, издавалъ журналы и писалъ во всѣхъ родахъ литературы. Онъ утонулъ, катаясь въ лодкѣ подъ парусами. Его стихотворенія («*Suoni on runselmia*» 1865) полны сочувствія угнетеннымъ, благородства и отличаются широкимъ кругозоромъ, но имъ не хватаетъ глубины чувства, силы и непосредственности. Его пѣсни очень пѣвучи и многія положены на музыку, но имъ не достаетъ народнаго духа. Для дѣтей онъ писалъ пѣсни, сказки въ духѣ Андерсена («Разказы луны»), написанныя очень поэтично, и очень удачныя «Разказы изъ финской исторіи» (1869—80).— Переводъ Л. Уманца взятъ изъ «Россій» 1884 г. № 17.

Олофъ Бергъ, извѣстный подъ псевдонимомъ В у о р и н е нъ (*Olli Wuorinen*), род. ²⁰/₂ 1842, кончилъ курсъ въ учительской семинаріи и состоитъ нынѣ учителемъ народной школы въ Фридрихсгамѣ. Въ 1875 г. вышелъ сборникъ его стихотвореній. Вуориненъ написалъ немного, но его стихотворенія отличаются ясностью и звучностью и подчасъ игривымъ и даже сатирическимъ содержаніемъ. Его

значеніе главнымъ образомъ въ реформѣ финскаго стихосложенія.

Павелъ Каяндеръ (Paavo Cajander), род. 24/12 1846 въ Тавастгусѣ, изучалъ философію въ университетѣ, нынѣ лекторъ финскаго языка при университетѣ въ Гельсингфорсѣ. Его стихотворенія разбросаны въ альманахахъ; ихъ немного, но они отличаются поэтическимъ содержаніемъ и мастерскою формою и составляютъ перлы финской лирики. Каяндеръ славится своими переводами, въ особенности же образцовымъ переводомъ 15 драмъ Шекспира.—Стихотвореніе «Освобожденная королева» въ аллегорической формѣ изображаетъ освобожденіе финскаго языка и финской національности отъ шведскаго ига великимъ финляндскимъ патріотомъ, Іоанномъ Вильгельмомъ Снельманомъ. Переводъ Н. Новича взятъ изъ «Дѣтск. Чтенія» 1898 г. № 6.

Арвидъ Яннесъ (Jännes), иначе Г е н е цъ (Genetz), род. въ 1848 г.; профессоръ финскаго языка и словесности съ 1891 г., финно-угорскихъ языковъ съ 1893 г.; занимался фонетикою западно-финскихъ говоровъ. Его стихотворенія «Воспоминанія и надежды» (1889) написаны на темы патріотическія и семейныя и отличаются энергіею чувства.

Іоаннъ Генрихъ Эрнко (Erkko), род. ^{16/1} 1849. въ Тавастгусской губ., былъ сынъ крестьянина, окончилъ курсъ въ учительской семинаріи и былъ назначенъ въ 1874 г. ректоромъ элементарной школы въ Выборгѣ. По упраздненіи этой школы, ему была назначена пожизненная пенсія; нынѣ живетъ литературными трудами. Много путешествовалъ и работалъ надъ своимъ развитіемъ. Эрнко въ настоящее время первый изъ лириковъ Финляндіи. Его болышею частью совсѣмъ коротенькія стихотворенія, относящіяся къ области субъективной чистой лирики, отличаются замѣчательно звучнымъ стихомъ. Они напоминаютъ народныя пѣсни наивнымъ тономъ, близостью къ природѣ и безыскусственностью формы и часто представляютъ настоящіе перлы поэзіи. Наряду съ народностью чувствъ и идей и легкою эротикой, у него замѣчается (особенно въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ) и стремленіе къ высшимъ, передовымъ идеямъ, но это ему менѣе удастся. Патріотическія стихотворенія у него наиболѣе удачны. Онъ издалъ до 10 выпусковъ стихотвореній, между прочимъ: «Стихотворенія» («Runoelmä», 1881) «Новыя стихотворенія» (1885), «Послѣ моего пробужденія» (1886), «Водяные пузыри» (1890).

Лирическая сторона преобладаетъ и въ драмахъ, имъ написанныхъ (стихами): «Пророкъ» (1887) съ сюжетомъ изъ ветхаго завета, «Айно» (1893) и «Куллерво» (1895)—съ сюжетами изъ Калевалы и написанныя метромъ Калевалы. Всѣ онѣ отличаются глубиною мысли и имѣли большой успѣхъ; изъ нихъ «Айно» считается украшеніемъ новѣйшей финской литературы. Кромѣ того, Эркко написалъ два тома «Домашнихъ разсказовъ» (1881—83) и небольшой романъ «Вѣрующій». — Переводъ Н. Новича взятъ изъ «Жизни» 1898 г. № 6.

Карль Крамсу (Kaarlo Kramsu) 1855 — 95, род. въ Улеаборгѣ, учился въ университетѣ, умеръ въ сумасшедшемъ домѣ. Издалъ томъ стихотвореній въ 1878 г., въ которыхъ обрабатывалъ сюжеты изъ исторіи Финляндіи въ формѣ балладъ, проникнутыхъ глубокимъ пафосомъ.

Юсифъ Мустакаллио (Jooseppi Mustakallio), род. въ 1857 г. въ Улеаборгской губ., учился въ университетѣ, кандидатъ философіи съ 1883 г., нынѣ лекторъ Закона Божія и логики при финскомъ лицѣ въ Куопіо. Издалъ сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Полорожники» (1886).

Казиміръ Лённбомъ (Lönnbom), болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ **Лейно** (Leino), род. 17/11 1866 въ Улеаборгской губ., учился въ университетѣ, съ 1896 г. докторъ философіи, живетъ въ Гельсингфорсѣ. Издавъ въ 1886 г. свои первые стихотворенія подъ заглавіемъ: «Runokoikeita», затѣмъ въ 1890 г. «На крестовыхъ волнахъ» и въ 1894 г. «На болѣе открытыхъ водахъ». Его стихи дышатъ юнымъ чувствомъ любви къ свободѣ. Какъ новеллистъ, принадлежитъ къ реальному направлению (повѣсть «Emmalan Elli» 1886 и рассказы «Изъ жизни» 1889). Кромѣ того, К. Лейно извѣстенъ какъ хороший критикъ. Вмѣстѣ со своимъ младшимъ братомъ Эйно онъ издаетъ литературный журналъ «Настоящее время».

Іоаннъ Эмеринъ Тихоненъ, извѣстный подъ псевдонимомъ **Карль Геммо** (Karlo Hemmo), род. въ началѣ 60-хъ годовъ, авторъ рассказовъ и двухъ сборниковъ стихотвореній. — Переводъ А. Бекштрема взятъ изъ „Литерат. сборника произведеній студентовъ“ (Спб. 1896 г.).

Изъ самыхъ молодыхъ поэтовъ подають надежды названный Эйно Лейно и Юрій Вейола.

ПОЭТЫ ЭСТЛЯНДИИ.

Фридрихъ Крейцвальдъ (Kreutzwald), ¹⁴/₁₂ 1803—82 ¹³/₈, род. въ везенбергскомъ уѣздѣ Эстляндской губ., учился въ г. Везенбергѣ; былъ нѣкоторое время домашнимъ учителемъ, готовясь въ то же время къ поступленію въ высшее учебное заведеніе. Выдержавъ экзаменъ въ Петербургскую военно-медицинскую академію, Крейцвальдъ вскорѣ перешелъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ (въ 1832 г.). Потомъ былъ врачомъ въ г. Верро почти до самой смерти и лишь остатокъ дней своихъ провелъ въ Дерптѣ (Юрьевѣ) въ домѣ зятя. Крейцвальдъ написалъ очень много—до 100 книгъ, въ томъ числѣ драматическія произведенія (трагедія «Маякъ» и др.), рядъ переводовъ, статей по folk-lore'у, критическія изслѣдованія, поэму «Лембита», сатиры, оды и пр. Главная его заслуга—художественная обработка эстонскихъ сказаній о Калевипоэгѣ (т. е. сынѣ Калевы). Эти сказанія началъ собирать еще докторъ Ф. Фельманъ, докончилъ же Крейцвальдъ, начавшій еще студентомъ записывать народныя пѣсни и преданія и 30 лѣтъ собиравшій матеріалы для

своей поэмы; только въ 1857 г. она была готова для печати. Крейцвальдъ поставилъ себѣ задачею слить въ одно цѣлое отдѣльныя сказанія народнаго эпоса, придать стихотворную форму тѣмъ изъ нихъ, которыя сохранились въ видѣ прозаическаго разсказа, и, кромѣ того, для гармоніи съ цѣлымъ, вложить въ нихъ извѣстный духъ, поддѣлаться подъ народную поэзію. Благодаря своему огромному таланту, Крейцвальдъ справился съ этою задачею и подарилъ эстамъ поэму, отличающуюся художественнымъ единствомъ и положившую начало народному самосознанію. Крейцвальдъ мастерски владѣлъ народнымъ стихомъ (хотя въ отношеніи къ формѣ онъ и уступаетъ позднѣйшимъ поэтамъ), и мѣста въ «Калевипоэгѣ», написанныя имъ самимъ (въ сложности они составляютъ $\frac{3}{6}$ всей поэмы) и отмѣченныя звѣздочками, безъ этихъ знаковъ невозможно было бы отличить отъ народнаго творчества. Духъ свободы, проникающій эту поэму, увлекъ и пѣвца за собою, но кромѣ того Крейцвальдъ былъ отзывчивымъ на все. Его стихотворенія, задушевныя и возвышенныя, отличаются элегическимъ характеромъ, какъ и вся народная поэзія эстовъ, но по формѣ нѣсколько тяжелы и неуклюжи.

По-русски существуетъ два перевода поэмы Крейцвальда: одинъ полный прозаическій Ю. Трусмана («Калевичъ». 2 выпуска. Ревель, 1886 — 89), первоначально напечатанный въ «Эстляндскихъ губ. вѣдомостяхъ», и другой стихотворный П. Алексѣева «Сынъ Калева» — переводъ первыхъ 10 пѣсень поэмы (всего въ ней 20 пѣсень), напечатанный въ «Ревельскихъ Извѣстіяхъ» 1893, 1894 и 1897 г. — Переводъ Н. Я. П. взятъ изъ «Живоп. Обзорѣнія» 1898 г. № 19, гдѣ помѣщенъ очеркъ эстонской литературы (въ текущемъ году вышла на эстонскомъ языкѣ написанная К. А. Германомъ «Исторія эстонской литературы». Юрьевъ. 1898. 532 стр.).

Лидія Михельсонъ, урожд. Янсенъ, болѣе извѣстная подъ псевдонимомъ Койдула, ^{12/12} 1843—86 ^{30/8}, дочь извѣстнаго эстонскаго писателя І. В. Янсена (автора болѣе чѣмъ 15,000 пѣсень), род. въ Перновѣ, училась дома и затѣмъ въ высшемъ Перновскомъ училищѣ. Съ 1862 г. принимала съ отцомъ участіе въ редактированіи газеты—сначала въ Перновѣ («Postimees»), а потомъ въ Дерптѣ («Eesti Postimees»). Въ 1873 г. вышла замужъ за д-ра Михельсона и поселилась въ Кронштадтѣ. Кромѣ 2—3 комедій и рассказовъ, издала

два сборника стихотворений: «Соловей съ береговъ Эмбаха» и «Луговые цвѣты». По глубинѣ чувства и задушевности и по красотѣ стиха, Л. Койдула является лучшею представительницею эстонской лирики. Вся ея поэтическая дѣятельность есть непрерывная пѣснь въ честь родины. Ото всѣхъ ея полныхъ грацій пѣсень вѣетъ бодрящею свѣжестью; многія изъ нихъ стали достояніемъ народа и распѣваются повсюду, начиная со школы и кончая какой-нибудь невѣрочною избушкой.— Переводъ Чайки взятъ изъ «Ревельск. Извѣстій» 1893 г. № 218.

Михаилъ Петровичъ Веске, ^{14/1} 1843—90 ^{4/5}, замѣчательный изслѣдователь въ области финскихъ языковъ, сынъ крестьянина въ усадьбѣ Веске (Феллинск. уѣзда). Сначала изучалъ богословіе (въ Лейпцигской Missionschule), но потомъ рѣшилъ посвятить себя служенію родному народу, изученію его языка и быта и пробужденію его самосознанія. Въ 1867 г. поступилъ въ университетъ въ Лейпцигѣ, имѣя субсидію отъ Вел. Кн. Елены Павловны, но послѣ ея смерти въ 1873 г. долженъ былъ вернуться на родину. Въ 1874 г. былъ избранъ лекторомъ эстонскаго языка при Дерптскомъ университетѣ, причемъ одинъ годъ

(1884) редактировалъ журналъ «Ота таа» (Родная земля). Путешествовалъ по Эстляндіи и Финляндіи, собирая пѣсни и лингвистическіе матеріалы и обогащая ими литературный языкъ. Въ общественной же жизни онъ выступилъ борцомъ за національное возрожденіе эстовъ. Уже будучи 43 лѣтъ, Веске предпринялъ изученіе мадьярскаго и русскаго языковъ, для чего около года (въ 1885 г.) прожилъ въ Венгріи и столько же въ Москвѣ. Въ 1887 г. былъ назначенъ преподавателемъ финскихъ нарѣчій въ Казанскомъ университетѣ, гдѣ и умеръ профессоромъ. Кромѣ собственныхъ стихотвореній, изданныхъ въ 1874 г., издалъ въ 2 книгахъ собранныя имъ «Эстонскія народныя пѣсни». Какъ поэтъ, Веске былъ пѣвцомъ народной скорби и радостей; его пѣсни отличаются неподдѣльною привлекательностью, онѣ просты, ясны и вылились какъ бы изъ самой души народа; нѣкоторыя изъ нихъ, положенныя на музыку, распѣваются повсюду. Проникнутыя горячею любовью къ родинѣ и глубокимъ лиризмомъ, то идиллическія, то меланхолическія, онѣ представляютъ переходное звено отъ народной пѣсни къ литературному стиху: будучи вполнѣ литературно обработаны по формѣ, въ способѣ

выраженія онѣ отличаются народною простою и образностью.

Адольфъ Ивановичъ Гренцштейнъ, извѣстный подъ псевдонимомъ **Пирикиви**, род. ²⁴/1 1849 въ Феллинскомъ у. Кончивъ учительскую семинарію, онъ нѣсколько лѣтъ былъ учителемъ. Въ 1878—80 гг. онъ былъ вольнослушателемъ при Вѣнскомъ педагогическомъ училищѣ и университетѣ. Вернувшись на родину, онъ сначала редактировалъ газету «Eesti Postimees», а съ 1882 г. издастъ въ Юрьевѣ собственную газету «Olewik». А. Гренцштейнъ—самый выдающійся изъ современныхъ эстонскихъ публицистовъ. Писалъ въ юности лирическія стихотворенія, а теперь—краткіе рифмованные афоризмы, слишкомъ тенденціозные для поэзіи; ими онъ заполняетъ всѣ уголки своей газеты. Изъ разнородныхъ произведеній Пирикиви, наименѣе удастся ему лирика; сатира болѣе свойственна его дарованію. Въ отношеніи къ формѣ, Пирикиви щеголяетъ виртуозностью стихотворной отдѣлки, стараясь блеснуть стихотворными эффектами и музыкаю стиховъ. Заслуживаютъ вниманія переводы его (между прочимъ, изъ Лермонтова и Крылова).—Переводъ Чайки взятъ изъ «Ревел. Извѣстій» 1893 г. № 173.

Іоаннъ Кундеръ, $14/12$ 1852—88 $12/4$, учился въ Дерптской учительской семинаріи, былъ учителемъ въ Везенбергѣ, въ 1886 г. поступилъ въ Казанскій университетъ, гдѣ былъ профессоромъ его землякъ Веске; черезъ нѣкоторое время перешелъ въ Петербургскій учительскій институтъ, гдѣ и умеръ. Писалъ рассказы, критическіе очерки и издалъ сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Мѣсяць май». Его стихотворенія дышатъ жизнерадостностью, любовью къ природѣ и родинѣ и свѣжестю чувства. Эпическія произведенія его отличаются яркостью и картинностью описаній.

Яковъ Таммъ, род. $25/4$ 1861, народный учитель; стоитъ во главѣ молодыхъ эстонскихъ лириковъ. Его поэзія, подобно поэзіи Кундера, дышетъ энергіею и жизнерадостностью; стихъ его блещетъ яркими красками и отличается звучностью. Лучшее всего ему удаются стихотворныя переложенія народныхъ легендъ и сказокъ въ формѣ балладъ и оригинальныя басни. Таммъ извѣстенъ и какъ переводчикъ «Полтавы», «Мѣднаго всадника», «Купца Калашникова» и др.

Густавъ Луйга, род. $15/2$ 1866 г. въ Верро-скомъ у. Лифляндск. губ., былъ сыномъ при-

ходскаго учителя, окончилъ приходскую школу и съ 1887 г. самъ состоитъ народнымъ учителемъ. Его муза отличается грустнымъ настроеніемъ, даже въ стихотвореніяхъ, имѣющихъ предметомъ любовь. Хотя кое-гдѣ у него и прорывается призывъ къ мужеству, бодрости и стойкому терпѣнію, но въ общемъ онъ говоритъ совершенно справедливо самъ про себя: «Во мракѣ nocturno я тоскливо брожу, вся жизнь моя—ночью была» («Въ тоскѣ»).

Іоаннъ Яксъ, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Кальюла, род. ²⁵/₉ 1867 г. въ Лифляндской губ., народный учитель. Извѣстенъ преимущественно какъ талантливый эпическій поэтъ; такъ, напримѣръ, въ газетѣ «Olewiķ» нынѣ печатается историческая поэма его «Царяца волнъ». Сюжетъ ея относится къ XI в., къ исторіи войны эстовъ со шведами; мѣсто дѣйствія—о. Эзель.

Пояснительный словарь.

Ахтола—водяное царство (финск. мифологія).

Ванемуйне—богъ искусствъ (эст.).

Вейнемейненъ, *Вейне* (Wainōs)—богъ поэзіи (фин.).

Вёлламо (произносится, какъ и всѣ финскія слова, съ удареніемъ на первомъ слогѣ; въ стихотвореніи «Невѣсты кормчаго» допущено неправильное удареніе на второмъ слогѣ)—водяной царь (фин.).

Геймать (швед.) — земледѣльческій дворъ, земля съ постройками, принадлежащая одному хозяину.

Гномъ—подземный духъ, сторожащій сокровища въ пѣдрахъ земли (скандин. миф.).

Илькна (Яковъ)—главный герой возстанія крестьянъ (т. наз. «войны дубинами») въ 1596—97 гг. Дѣла Илькки, быть можетъ, долго еще будутъ жить въ устахъ народа. Онъ жилъ какъ истый финнъ и умеръ на висѣлицѣ.

Калевала—финскій народный эпосъ, записанный Эл. Лённротомъ.

Калевипоэгъ или **Калевичъ**—сынъ небожителя Калева, одно изъ низшихъ боговъ эстонской мифологіи, отъ брака его съ простою смертною **Линдою**.

Кантеле—національный музыкальный инструментъ финновъ. *и эстловъ.*

Мансдоттеръ (Екатерина), называемая иначе просто **Каринъ** (1559—1612), была дочерью простого капрала и продавала орѣхи и тринадцати лѣтъ такъ поразила своею красотою Эрика XIV, встрѣтившаго ее на рынкѣ, что онъ взялъ ее во дворецъ, далъ ей образованіе и въ 1568 г. женился на ней. Но въ концѣ того же года народъ возсталъ противъ Эрика, бывшаго современникомъ Іоанна Грознаго и равнявшагося ему по жестокости. Эрикъ съ семьею былъ заточенъ въ тюрьму роднымъ братомъ; въ 1573 г. жена его была разлучена съ нимъ; въ 1577 г. онъ умеръ. Его сына, Густава, хотѣли утопить шестилѣтнимъ ребенкомъ; случай спасъ его, и онъ былъ воспитанъ въ Польшѣ іезуитами. Его судьба была также несчастна. Принявъ католичество, Густавъ, чуть не въ лохмотьяхъ, велъ жизнь странника. Въ

1598—99 гг. царь Оедоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ призвали его, проча въ женихи царевны Ксеніи, но когда онъ отказался поднять оружіе противъ Швеціи, своей родины, онъ былъ сосланъ и умеръ въ Кашииъ, въ 1607 г.

Некъ — подводный духъ, увлекающій свою игрою на арфѣ и укрощающій бури (скандин. мифол.). *еvаки*.

Пюёртя (Pyörtää) или **Пюёртяноски** — названіе порога. Буквы уö произносятся финнами въ одинъ слогъ (составляя дифтонгъ), но такъ какъ русскому языку дифтонги несвойственны, то въ переводѣ «Невѣсть кормчаго» каждая гласная считалась за слогъ, подобно тому, какъ, напримѣръ, слово «тротуаръ» въ русскомъ языкѣ стало трехсложнымъ изъ двухсложнаго французскаго trottoir.

Саво или **Саволансъ** — пограничная съ Россіею область Финляндіи, нѣкогда герцогство, съ городомъ Куоію.

Сайма — знаменитое внутреннее озеро - море Финляндіи, изъ котораго вытекаетъ р. Вуокса, славная водопадомъ Иматра.

Саріярви (Saarijärvi) — лѣсистый приходъ въ с.-зап. части Финляндіи.

Скальды—древне-скандинавскіе народные пѣвцы, сочинявшіе хвалебныя оды.

Суоми (Suomi)—такъ сами финны называютъ свою родину, слово же финнъ—нѣмецкаго происхожденія. Звуки ко по-фински составляютъ дифтонгъ (ср. сказанное о словѣ Пюёртя).

Торпъ (швед.)—поселокъ, часть геймата, отданная въ аренду. Такіе участки землевладѣльцы стараются отводить преимущественно въ мѣстахъ пустынныхъ, напр. лѣсахъ, для легчайшаго воздѣлыванія этихъ мѣстъ.

Шхеры (иначе, шкеры, а правильнѣе — шеры, skären) — островки и подводные камни вдоль морскихъ береговъ Швеціи и Финляндіи.

Эндла—озеро въ Юрьевскомъ уѣздѣ. По преданію, пріемная дочь Вайнемуйнена Ютта, сѣтуя о смерти своего возлюбленнаго Эндла, нашла смерть въ названномъ по его имени озерѣ. Ея духъ бываетъ видимъ посвященнымъ въ Иванову ночь въ восходящихъ туманныхъ облакахъ озера.

ПОПРАВКА.

Въ № 14 «Маленькой антологіи» («Мадьярскіе поэты») на стр. 41, вмѣсто заголовка «Облака» должно стоять «Беззвѣздныя ночи».

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Предисловіе	СТР. 3

ПОЭТЫ ФИНЛЯНДІИ.

1. Поэты, писавшіе по-шведски.

Францъ-Михаилъ Франценъ.

Изъ «Путешествія на юбилейный празд- никъ 1840 г.»	5

Екатерина Монсдоттеръ	9

Іоаннъ-Людвигъ Рунебергъ.

Лирическія стихотворенія:

Жалоба дѣвы	11

Скальдъ	12

Крестьянскій парень	14

Идилліи и эпиграммы, часть I:

1, 2, 8, 9, 17, 22, 24, 25 и 27	16

Идилліи и эпиграммы, часть II:

10 стихотвореній	26

Разсказы прапорщика Столя:

Нашъ край (гимнъ)	33

Кульневъ	36

Мелкіе разсказы:

Вечеръ на Рождество	42

Ларсъ-Яковъ Стенбэкъ.

Финская родина	47

Эмиль фонъ Квантенъ.	стр.
Пѣсня Суоми	49
Здравица за печать	50
Захарія Тонеліусъ.	
Пѣсня работника	52
Воробей въ рождественское утро . .	53
Млечный путь	55
Юлій Вексель.	
Местъ гномовъ	59
Карль Тавастшерна.	
Съ весеннею ласточкою	61
Признаніе	62
Михаилъ Любекъ.	
Восходъ солнца	65
II. <i>Поэты, писавшіе по-фински.</i>	
Оксаненъ.	
«Я бы умеръ»	69
Голодающая мать	70
Пѣсня саволакса	71
Къ южному вѣтру	74
Невѣсты кормчаго	75
Суоніо.	
Воробей	79
Молитва за отечество	80
Вечеръ	82
Утро любви	83

Дѣвушка и юноша	84
Пустота	85
Олафъ Вуориненъ.	
Пей!	87
Павелъ Каяндеръ.	
Портретъ	89
Освобожденная королева	90
Арвидъ Яннесъ.	
Къ моеѣ женѣ	96
Юанниъ Эркко.	
Пѣсни пастуха:	
4, 8, 11, 14, 37	98
Недовольные	100
Молодой гость	101
Два жениха	102
Карлъ Крамсу.	
Надъ водопадомъ	104
Илькка	105
Юспфъ Мустакаллио.	
Ласточкѣ	107
Одинъ ночью	107
Казимиръ Лейно.	
Честный человекъ	109
Республика мысли	110
Карлъ Геммо.	
Странно.	112

ПОЭТЫ ЭСТЛЯНДИИ.

Фридрихъ Крейцвальдъ.	стр.
Два отрывка изъ «Калевипоэгъ» . . .	115
Волѣ	117
Радость и горе	118
Лидія Койдула.	
Дома	119
Весна	120
Осеннія думы	120
За прялкой	121
Михаиль Веске.	
Юри и Мари	123
Адо Шрикиви.	
Молитвенный часъ природы	125
Юаннъ Кундеръ.	
Твои глаза и вселенная	126
Яковъ Таммъ.	
Смерть	127
Густавъ Луйга.	
Сиротская доля	128
Кальюла.	
Первый шагъ	130
Примѣчанія.	131
Пояснительный словарь	156
Поправка къ «Мадьярскимъ поэтамъ» . .	160

